

Свет мой,
зеркальце,
созжи....

Айлин Крайт

Свет мой, зеркальце, сожги...

<https://litres.ru/74424247>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Она сказала, что я буду ей другом». Пять слов, которые стоили тысячелетнему архимагу остатков его рассудка.

Быть любимым питомцем сумасшедшей принцессы — сомнительное удовольствие. Особенно когда твоя стихия — огонь, а хозяйка оставляет тебя сидеть на плече прямо посреди допросной комнаты отца-тирана.

Мне запрещено убивать членов королевской семьи (очень жаль), но разрешено язвительно молчать. Однако когда выясняется, что за кражей семейной реликвии стоит попытка государственного переворота, а король начинает видеть демонов в обоях, нашему дуэту приходится заключить перемирие. План прост: раскрыть заговор, пережить семейный ужин и постараться не испепелить друг друга в процессе. Всего-то.

Осторожно: содержит сцены бытового травматизма, пассивную агрессию и один случай несанкционированного исцеления души.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Айлин Крайт

Свет мой, зеркальце, сожги...

Пролог

Боль стала моей формой существования. Пятьсот лет в клетке размером с глаз ворона. Здесь нет времени, есть только пульсирующий жар моего собственного безумия. Мой огонь больше не греет — он выжигает меня изнутри, плавит кости, превращая кожу в вязкую лаву. Золотые жилы магмы текут по рукам, волосы сплетены из жидкого золота, а глаза слепят двумя белыми солнцами. Это мое наказание. Моя вечность. Проклятие дома ван Мор.

Я ненавижу этот род до скрежета зубов. Ненавижу их черное серебро, их мертвый трон, их кровь. Меня держит лишь эта ненависть, потому что все остальное давно сгорело дотла.

Пространство рвется беззвучно. Зов. Сосуд покидает бархатный футляр.

Первая мысль — преступная, постыдная радость. Наконец-то. Воздух! Настоящий воздух, пахнувший пылью, старым деревом и чем-то сладковато-цветочным. Я жду этого годами, десятилетиями, цепляясь за каждую секунду свобо-

ды как утопающий за обломок мачты. И я презираю себя за это ожидание. За то, что мой разум, выгорая внутри броши, на самом деле жаждет рабства просто ради глотка реальности.

Выныриваю из серебра прямо посреди заброшенной кладовой. Запах страха был ожидаемым. Первым делом хозяин всегда видит именно его — чудовище. Он знает меня только таким: ходячим пожаром, обугленным кошмаром. Он даже не догадывается, что под этой коркой застывшей лавы всё еще бьется человеческое сердце.

Однако, к удивлению передо мной незнакомая фигура. Она стоит в трех шагах. Хрупкая девушка в сером платье служанки. Дешевая ткань висит мешком на острых плечах. Альбинос. Белая кожа, белые брови, бледные, почти прозрачные глаза будто без зрачков. В Империи Полночи таких топят при рождении или прячут в подвалах для утех палачей. Она одета как грязь под ногами, но ведет себя странно. Эта спина слишком прямая. Этот поворот головы слишком горд для прислуги.

Она смотрит на меня. В расширенных белых глазах плещется первобытный ужас. На воротничке ее платья скалится черная брошь-птица. Моя брошь. Знак моего дома, оскверненный тьмой.

Её взгляд падает на мою грудь — туда, где зияет пустота вырванного сердца, замененного ониксом. Черный ворон скалится на неё серебряным клювом.

Мое терпение лопается вместе с остатками самоконтроля. Свобода опьяняет. Хозяйка сосуда слаба, напугана и совершенно одна. Идеальный момент, чтобы разорвать цепь — показать ей, кто здесь смерть. Я делаю шаг вперед. Магма стекает с кончиков пальцев тяжелыми каплями, прожигая дыры в каменном полу.

Девчонка вздрагивает всем телом. В ее белых глазах плещется страх. Она выставляет вперед ладонь — жалкий, смешной жест защиты.

— Стой! Не подходи!

Рабская метка вспыхивает ледяным железом прямо в позвоночнике. Мышцы каменеют. Огонь внутри захлебывается собственным бешенством. Я останавливаюсь так резко, что инерция бросает меня еще на полшага вперед, но ноги уже отказываются подчиняться живому телу. Они подчиняются слову.

Проклятые боги. Я смотрю на свою замершую руку, сжатую в кулак всего в дюйме от того места, где должно быть её горло. Беснуюсь молча, до скрипа новенькой, непривычной к движению эмали на зубах. Она дергает носом, явно не понимая механики происходящего. Ее испуг сменяется животным недоумением.

— Кто ты? — выдыхает она.

Слова царапают гортань раскаленным песком. Приказ «не подходи» звучит фоном, но протокол древнего контракта требует идентификации слуги. Я стискиваю зубы так, что

слышится хруст.

— Служу... — выдавливаю через силу. Коротко, как удар хлыста. Без имени. Этому альбиносу не пристало знать, как звали архимага Рассвета.

Она отступает на полшага, продолжая разглядывать меня, словно диковинную зверушку в королевском зверинце. Губы шевелятся беззвучно, потом шепот становится чуть громче — размышления вслух:

— Элементаль?.. Дух огня?..

Прямого приказа отвечать не было. Я молчу. Позволяю ей строить любые теории. Пусть думает, что поймала стихийного духа. Так проще. Если она поймет, что нашла в своей побрякушке человека с памятью, планом мести и навыками фехтования уровня магистра — моя нынешняя хрупкая свобода закончится быстрее, чем прогорит фитиль. К тому же, элементаль хотя бы предсказуем. А вот бывший архимаг, которого пять веков пытали собственным огнем — абсолютно нет.

Глава 1

Я жду. Пульс метки медленно стихает, возвращая контроль над периферийными мышцами. Она смотрит на меня долго, слишком долго для человека, который только что призвал огненного демона. В ее бледных глазах нет ни религиозного трепета, ни безумия — лишь тяжелая усталость.

Наконец она опускает руку.

— Что ты умеешь?

Слово «Убивать» само срывается с языка. Сухое, честное, идеальное. Это всё, что от меня осталось после пятисот лет в горниле собственной ярости.

Пауза. Секундная тишина, звенящая напряжением. Метка сжимает невидимые тиски на моем горле. Проклятие не терпит полуправды перед хозяйкой.

— Исцелять, — цежу я сквозь стиснутые зубы. Голос звучит ровно. А затем челюсти сводит судорогой ненависти, и следующие слова приходится буквально выплевывать: — Защищать.

Она вздрагивает всем телом. Не от страха за свою жизнь — от тембра моего голоса. Будто коснулась раскаленного железа.

Девчонка отступает еще на шаг, прижимаясь спиной к стеллажу со старыми манекенами. На мгновение ее белесое лицо теряет всякую защиту. Она горько усмехается уголком

бескровных губ и шепчет:

— Значит, ты тоже не умеешь любить...

Что простите? Мой разум солдата отказывается обрабатывать фразу. Какая любовь? Мы стоим посреди пыльной кладовой, между нами лужа остывающей магмы, а она ищет во мне сопливого менестреля? Я открываю рот, чтобы спросить, в своем ли она уме, но альбиноска уже моргает, прогоняя наваждение. Взгляд снова становится пустым и сосредоточенным. Та фраза не была вопросом, однако она всё же задала следующий:

— У тебя есть имя?

Хриплый смешок вырывается из груди раньше, чем я успеваю его подавить. Давно у меня никто не интересовался формальностями.

— Есть.

Ее белые брови сходятся к переносице. Прямота этой девчонки начинает раздражать почти так же сильно, как собственное бессилие.

— Назови его.

Я морщусь, словно разжевал кусок битого стекла. Произносить свое имя вслух — значит признать этот контракт реальным. Признать, что Каэлан Игнис-Дор мертв, а на его пепелище копошится раб.

— Эш.

Да, то самое прозвище, которым меня дразнили младшие послушники в Цитадели. То, которое орали враги, когда мои

клинки входили в их плоть. Оно давно стало единственным, что у меня осталось. К моему глубокому облегчению, девушка не требует полного имени. Лишь задумчиво кивает, будто ставит галочку в списке покупок.

— Скажи, тебе больно?

Инстинкт кричит промолчать. Солдат не жалуется. Огненный дух не чувствует боли. Но проклятие работает тоньше простого подчинения — оно заставляет отвечать правду, если вопрос задан прямо. Ложь хозяину физически невозможна, она просто застревает в легких сухим кашлем.

Выдыхаю. Воздух пахнет пылью и гарью.

— Всегда.

Это признание лишает меня остатков брони. Сказав это вслух впервые за пятьсот лет, я чувствую себя обнаженным сильнее, чем без одежды. Боль внутри броши — это абстрактный ад. Боль здесь — напоминание о том, что я все еще способен чувствовать, прежде чем сгорю окончательно.

Девчонка смотрит на меня снизу вверх, и в ее бледных глазах плещется нечто, от чего по моей лавовой коже пробегает холодная дрожь. Жалость.

Кто она такая? Жалкая служка, копающаяся в грязном белье моих врагов, смеет жалеть архимага Рассвета? Я не просил у нее милосердия. Мой взгляд должен был испепелить ее на месте, заставить отступить к стене, но проклятие держит мышцы лица каменными. Она просто стоит и смотрит так, будто видит перед собой не чудовище из магмы, а подбитую

птицу.

Она облизывает пересохшие губы. В кладовой пахнет серой и старым деревом. И тут она произносит фразу, которая заставляет мой разум — древний, выжженный, но всё еще острый — споткнуться:

— Я могу тебе помочь?

Я забываю, как дышать. Воздух застревает в горле раскаленной пробкой. Девчонка определенно сошла с ума. Или это какая-то изощренная пытка ван Моров, о которой я не знаю? Предложить помощь существу, которое является живым воплощением первобытного огня... Это звучит как бред умалишенного.

И тогда происходит невозможное. Впервые за столетия рабства слова срываются с моего языка сами. Не дожидаясь, пока их вырвет наружу судорогой проклятия. Чистый, незамутненный приказной формой порыв:

— Освободи.

Хрустальный звон метки в позвоночнике запаздывает на долю секунды, подтверждая сказанное уже постфактум. Я сам этого захотел. Сам озвучил свою единственную мольбу той, кто сейчас имеет надо мной абсолютную власть.

Ее лицо меняется. Брови сходятся к переносице, между ними залегает едва заметная белая складочка.

— Как?

Вопрос выбивает из меня остатки воздуха. Как. Логичный вопрос. План побега всегда должен быть у раба, верно? У

меня было пятьсот лет тишины. Пятьсот лет непрерывной агонии, чтобы изучить каждый атом этой броши, каждую руну подчинения. Чтобы придумать способ разрушить оковы. Но боль делает страшные вещи с памятью: она стирает стратегию, оставляя только инстинкт выживания. Спустя первый десяток лет она стала настолько плотной, что думать было физически невозможно. Я научился лишь быть этой болью...

Разочарование оседает на языке пеплом. Стыд жжет горло сильнее собственного пламени. Я обязан ответить. Проклятие требует честности, даже если эта честность выставляет меня беспомощным идиотом.

— Не знаю.

Тихий звук разрезает гнетущую тишину. Смех. Сначала неуверенный, потом чуть громче. Серебряный, легкий смех альбиноски. Она смеется надо мной. Я буквально вижу со стороны свое отражение в ее зрачках: покрытая потрескавшейся лавой морда древнего зверя, золотые жилы пульсируют от жара, и во всей этой монументальной фигуре — абсолютно растерянное выражение. Потерянное.

Это отрезвляет лучше ведра ледяной воды. Хватит. Пяти-сотлетняя привычка держать лицо срабатывает быстрее мысли. Растерянность схлопывается, уступая место арктическому льду. Я выпрямляюсь во весь рост, позволяя золотым глазам опасно сузиться. Вспоминаю этот взгляд — под ним когда-то замолкали великие магистры Света, им же я останавливал орды Тьмы. Взгляд, от которого должна стечь кровь.

Но девчонка его игнорирует. Она просто вытирает выступившие от смеха слезы тыльной стороной ладони, всё еще тихо посмеиваясь.

Это выводит из себя. Внутри снова закипает ярость, черная и густая, но... другая. Не та слепая, животная ненависть к роду ван Мор. Злость раненого хищника, которому указали на его слабость. Уже не такая сильная. Я злюсь скорее по привычке, потому что злость — единственное топливо, которое осталось в моем баке после пяти веков пустоты.

Тишина давит на барабанные перепонки. Во время нее я просто смотрю на девчонку, позволяя себе роскошь — не думать о вечности. Боль агонии, которая обычно пульсирует в такт сердцу, здесь, в реальном мире, почти отступила. Она свернулась где-то глубоко под диафрагмой глухим, тяжелым углем. Лишь редкие спазмы вдоль позвоночника да капли застывшей магмы у босых ног напоминают о том, что моя клетка никуда не делась.

Я чувствую сквозняк из приоткрытой двери кладовой. Чувствую запах пыли и старой бумаги. Я дышу. Боги, я действительно дышу. Любопытство — чувство, похороненное пятьсот лет назад вместе с Каэланом-человеком — робко поднимает голову.

Она выглядит чужеродно для этих стен. В Империи Полуночи альбиносов либо приносят в жертву на алтаре Костяного Шпиля в первый месяц жизни, либо держат в цепях как диковинных зверей для утех знати. Ее кожа слишком белая,

глаза слишком прозрачные. Яркая до боли в глазах посреди этого мрака. Странно, что ее оставили в живых. Может, она просто чья-то игрушка? Дорогая фарфоровая кукла, которую забыли в коробке. Вот она и бежит по пыльным кладовым в поисках темноты, чтобы спрятаться от хозяев.

Затянувшуюся паузу разрывает ее голос. Тихий, шелестящий:

— Мне пора идти... Меня, наверное, уже ищут.

И то верно. Сколько мы тут стоим? Пару минут? Час? Я отвык считать реальные секунды; каждая минута вне клетки кажется мне преступно недостаточной, украденной. Хочется растянуть этот миг еще хоть немного, запомнить ощущение твердого камня под ногами вместо жидкого серебра.

Девушка продолжает, нервно теребя край рукава. Она говорит осторожно, будто боится спугнуть дикого зверя:

— Тебе... тебе нельзя оставаться тут. Если увидят придворные маги или инквизиция... Ты можешь скрыться? Как раньше? Ты же был в этом украшении, верно?

Ее палец указывает на брошь-ворона, зажатую в другой руке.

Меня прошибает ледяной пот. Паника сдавливает горло тугой удавкой. «Скрыться». Вернуться туда. Снова слышать рев пламени внутри собственного черепа. Нет. Только не сейчас, когда легкие впервые за полтысячелетия наполнились чем-то кроме пепла.

Я делаю шаг вперед, намереваясь схватить ее за плечи,

встряхнуть, умолять взглядом, сделать хоть что-нибудь, чтобы отсрочить возвращение. Но тело отказывается подчиняться моей панике. Приказ «Не подходи», выкрикнутый ею в самом начале, все еще висит на моем позвоночнике стальным крюком. Мышцы каменеют. Вместо шага получается лишь судорожный рывок вперед, от которого я едва не падаю. Рука вытягивается сама собой, пальцы замирают в дюйме от ее плеча.

С губ срывается хрип, больше похожий на скрежет камней:

— Не надо!

Если есть хоть шанс... Крохотная надежда на то, что она не станет. Что она испугается и просто убежит, оставив меня здесь. Да к черту! Боги, пусть она бежит. Пусть натравит на меня стражу. Пусть убьет меня прямо сейчас ржавым кухонным ножом, если захочет. Я даже не буду её убивать за это промедление, только бы не возвращаться в кипящее серебро!

Она вздрагивает от моего рыка, но страха во взгляде нет. Лишь растерянность. Она переводит взгляд с моего лица на ворона в своей ладони. Проклятая птичка тускло поблескивает в полумраке. Еще секунда, и эта бледная дура сообразит, что делать с опасной игрушкой. И тогда ад начнется заново.

Я заставляю себя разжать сведенные челюсти. Беру себя в руки, вернее — пытаюсь собрать расколотую волю в кулак.

Говорить эти слова физически больно. Это хуже огня. Это капитуляция перед той, кого я должен презирать.

— Я могу спрятаться, — мой голос звучит низко и надтреснуто. — И не внутри клетки... Если...

Я сглатываю вязкую слюну. Каждое следующее слово приходится выталкивать из себя через сопротивление, словно пробивая стену собственным лбом.

— ...если хозяйка позволит.

Девушка, кажется, даже не замечает ту боль, с которой я выплевываю слова «хозяйка» и «позволит» в одном предложении. Или списывает это на остаточное эхо магии — треск остывающей лавы звучит достаточно убедительно для непосвященных.

Она задумчиво смотрит на меня, переводя взгляд с моего лица на брошь-ворона в своей руке.

— Как?

Как. Логичный вопрос существа, привыкшего решать проблемы словами. В моей голове проносятся варианты со скоростью лесного пожара. Есть два пути, и если быть честным перед самим собой — оба мне отвратительны. Но они бесконечно лучше перспективы возвращения в кипящее серебро.

Показывать ей свое настоящее лицо? Исключено. Я видел себя в отражениях ее бледных глаз: чудовище из мифов, элементаль разрушения. Куда она его спрячет? В шкаф среди платьев? Прислуга во дворце Малефиса не может прятать у

себя в комнате мужчину дольше пяти минут. Меня найдут по запаху гари и паленого дерева.

Остается один вариант. Тот, что продиктован самой природой проклятия. Метка связывает сосуд и сущность, но форма этой сущности... вариативна.

Я не раздумываю больше. Хватит. Решение принимается на уровне инстинктов, быстрее, чем успевает проснуться гордость. Я стряхиваю с рук остатки вязкой магмы. Она осыпается на пол тяжелыми каплями застывшего базальта. Тело расплавляется за долю секунды — кожа, мышцы, кости текут вниз темной рекой, сворачиваясь в иную форму.

Девчонка делает резкий шаг вперед, прижимая ладонь к открытому в беззвучном ужасе рту. Ее глаза расширяются еще сильнее, хотя казалось бы — куда уж. Но она замирает на полушаге, когда там, где только что стоял демон, расправляет крылья черный коршун.

Птица тяжело опускается на каменный пол. Мои когти — сейчас птичьи, острые как хирургические иглы — впиваются в островки остывающего угля и лавы, чтобы удержать равновесие. Перья цвета воронова крыла отливают маслянистым багрянцем в тусклом свете кладовой. Я смотрю на нее снизу вверх желтым глазом хищника. Размеренно дышу, вздымая грудку.

Она медленно опускает руку. Первобытный испуг сменяется жадным, почти научным интересом ребенка, нашедшего редкую бабочку. Она склоняет голову набок, рассматри-

вая переливы на моих крыльях. Но затем ее взгляд снова падает на серебряную брошь, которую она всё еще сжимает в пальцах.

Я вновь напрягаюсь до предела. Сейчас она сложит дважды два. Прикажет вернуть человеческий облик или, того хуже, вернет в клетку просто ради безопасности. Я готовлюсь к новой порции боли, которая скрутит мои уже птичьи легкие спазмом подчинения, и мысленно проклиная собственную слабость. Жду удара хлыста метки.

Но девушка лишь растерянно моргает. Она задает вопрос в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Почему не ворон?

Вопрос повисает в воздухе, смешиваясь с запахом серы. Я перестаю дышать. Она удивлена не фактом трансформации. Ей любопытна эстетика. Альбиноску беспокоит отсутствие связи между символом дома и моим обликом.

Я жду, не в силах ответить на этот вопрос. Секунды растягиваются в пытку, но боль не приходит. Метка внутри птичьего тела ощущается иначе — она пульсирует глухо, где-то под перьями на груди. Она требует ответа, но ошейник из древнего проклятия, видимо, достаточно разумен или просто ограничен законами мироздания: он отличает осознанное упрямство от физической невозможности разжать клюв и выдать связную речь.

«А что если...» — мысль робко вспыхивает в голове, пока я балансирую на когтистых лапах. Если форма меняет пра-

вила игры? Если птица может позволить себе чуть больше свободы, чем человек?

Размышления обрываются одним коротким, до тошноты привычным импульсом:

— Ко мне.

Слова бьют прямо по нервным окончаниям крыльев. Судаорога прошивает тело от кончиков маховых перьев до хвоста. Гравитация становится моим личным врагом. Я срываюсь с места против собственной воли. Один взмах, второй — траектория рассчитана идеально, чтобы приземлиться ровно на то место, куда она указала. На ее вытянутую руку.

Когти смыкаются на предплечье. Девушка тихо охает от неожиданности и инстинктивно подается назад, но удерживает равновесие. К моему глубокому, мстительному удовольствию, альбиноска слегка покачнулась под весом. Не такая уж ты и сильная, бледная немочь.

Она смотрит на свою руку, потом поднимает взгляд на меня. В прозрачных глазах плещется недоумение.

— Ты все еще слушаешься? Даже так?

Я киплю от негодования. Мои желтые глаза должны сейчас гореть чистой яростью, потому что девчонка вдруг прыскает в кулак. Короткий, звенящий смешок.

— Прости, — бросает она, словно извиняясь перед соседской кошкой за слишком громкий хлопок двери. А затем совершает нечто возмутительное.

Ее пальцы зарываются в перья у меня на затылке. Возму-

тительно нагло. По-хозяйски. Но чертовски приятно. Магма под кожей мгновенно остывает до терпимого тепла. Инстинкты берут верх над гордостью архимага. Сначала я замираю, каменею, позволяя этому непристойному акту снисхождения продолжаться. Затем невольно лгну к теплу ладони, подставляясь под пальцы.

Через секунду опомнившись, я издаю возмущенный клекот. Жаль, что я не могу навредить ей физически — приказ блокирует агрессию эффективнее любых цепей. Приходится в пустую клацать острым черным клювом в миллиметре от ее носа, имитируя угрозу.

Она лишь снова смеется, легко щелкая меня по клюву указательным пальцем.

— Ведите себя прилично, мистер дух. Я попробую оправдать ваше появление перед отцом.

Мои птичьи мозги дают сбой. Перед отцом? Я удивленно поворачиваю голову, наклоняя ее почти горизонтально, пытаясь заглянуть ей в лицо снизу вверх. Хочу спросить, какого демона она творит, но горло выдает лишь тихий скрипучий свист.

Тем временем девушка заканчивает свои манипуляции. Она сжимает брошь-ворона в руке. Но вместо того чтобы спрятать опасный артефакт в карман, она делает кое-что похуже. Уверенным движением закаленной интриганки она крепит серебряного ворона в своих белых волосах, заколов выбившуюся прядь чуть выше уха. На фоне белизны металл

практически сливается с локоном. Со стороны кажется, будто это просто редкая костяная заколка. Идеальная маскировка для предмета, который не должен привлекать внимание.

Не давая мне времени осмыслить масштаб катастрофы, она перехватывает мою тушу поудобнее (придерживая мои лапы своими тонкими пальцами, чтобы когти не рвали ей кожу) и решительно толкает тяжелую дверь кладовой плечом.

Дубовая дверь закрывается за нами с глухим стуком, отрезая последнее напоминание о пыли и забвении. Я перестраиваю зрение. Человеческий взгляд остался где-то в лаве, сейчас мир дробится на тысячи оттенков серого, багрового и ядовито-желтого — цвета магмы под кожей встречающих.

Коридоры Цитадели Костяного Шпиля не меняются веками. Архитектура здесь давит: низкие сводчатые потолки из черного базальта, намеренно сужающиеся кверху, чтобы вызвать у посетителя подсознательный трепет перед величием короны. Стены лишены окон — свет проникает сюда только через редкие магические светильники-сферы, пульсирующие тусклым, болезненным фиолетовым светом. Под ногами вместо ковров — отполированный миллионами шагов камень, вероятно холодный даже сквозь тонкую подошву ее туфель.

Девушка идет ровно, расправив плечи. Она не таится. Не крадется вдоль стен, как подобает служанке или воришке, нашедшему опасную игрушку. Ее шаги по камню звучат уверенно, почти ритмично.

Я, восседая на ее предплечье, внимательно сканирую пространство вокруг. Жду окрика стражи, звона алебард, запаха паники. Но ничего этого нет. Мы проходим мимо двух гвардейцев в вороненых доспехах, стоящих у поворота к казармам. Они синхронно бьют кулаком по груди в приветственном жесте... направленном прямо на нее. Девушка едва заметно кивает им в ответ, продолжая идти своей дорогой. Солдаты смотрят ей вслед без тени подозрения. Лишь один из них задерживает взгляд на черной птице на её руке чуть дольше положенного, прежде чем вернуться к своему посту.

Мы сворачиваем в главную галерею. Здесь потолок взмывает на высоту десяти человеческих ростов, поддерживаемый колоннами, выточенными из цельных костей левиафанов. В нишах стоят статуи предков ван Моров — черные мраморные истуканы с пустыми глазницами. Каждый её шаг отдается гулким эхом.

Я снова замечаю взгляды. Редкие, случайные, но абсолютно противоречивые. Вот горничная, несущая стопку белья, шарахается в сторону, прижимаясь к стене, и мелко крестится скрюченными пальцами — чистый, животный страх. А вот мажордом — толстый мужчина с цепью на шее — при виде альбиноски склоняется в глубоком поклоне, обнажая желтоватую лысину, и остается так стоять, пока мы не проходим мимо — раболепное почтение. Проходящий мимо инквизитор в красной маске лишь скользит по ней взглядом, полным такой концентрированной брезгливости, будто уви-

дел слизня на своем парадном плаще.

Что за странный коктейль из эмоций? Страх, ненависть, благоговение. Так смотрят не на прислугу. На прислугу вообще не смотрят, она — часть интерьера. Так смотрят на ядовитое насекомое, которое боятся раздавить, потому что оно принадлежит хозяину дома.

Она точно служанка? Я непроизвольно раздраженно дергаю хвостом, крепче впиваясь когтями в плотную ткань рукава. Окидываю взглядом девушку еще раз, сканируя каждую деталь. Серое платьишко из грубой шерсти, лишенное каких-либо украшений. Вытертые манжеты. Пятно засохшего жира на подоле. Кожа на запястьях, там, где заканчиваются рукава, бледная до синевы, но чистая — значит, она все же иногда моется. Никаких колец, никаких татуировок принадлежности к дому. Обычная серая мышь. Если бы не этот невозможный цвет волос и абсолютная уверенность осанки...

Мы пересекаем внутренний двор-колодец. Неба здесь нет — только переплетение чугунных решеток высоко наверху, сквозь которые просачивается тусклый багровый отсвет мертвой звезды Сорокопут. Посреди двора зияет «Поющая яма» — круглая арена для кровавых ритуалов, сейчас засыпанная свежим песком. Запах свежей крови и озона ударяет в ноздри даже сквозь расстояние. Девушка проходит мимо ямы, даже не сбавив шага, хотя песок внизу темнеет от недавней жертвы. Для нее это просто элемент ландшафта,

как клумба.

Впереди возвышается Башня Полночи — личный шпиль короля. Переход туда преграждает пост Черной Стражи. Четверо воинов в глухих шлемах-черепах. Это уже не простые гвардейцы, это палачи Короны.

К моему удивлению, стража никак не реагирует на девушку. Совсем никак.

Черные фигуры в шлемах-черепах синхронно склоняют головы — жест глубокого почтения, обычно приберегаемый для верховных иерархов или самого короля. Тот, что стоял в центре, отступает в сторону, освобождая проход и глухо ударяя древком глефы о камень в знак приветствия. Они смотрят сквозь нее, словно она часть тени, отбрасываемой башней. Но затем их взгляды цепляются за меня.

К слову об этом... Я только сейчас осознаю физическую реальность происходящего. Она всё это время держала мою птичью тушу на предплечье. Мои когти глубоко впились в плотную шерсть ее рукава, наверняка оставляя следы на бледной коже под ней. Тяжелый я, должно быть. И к своему стыду, поздно понял, что балансировать на сгибе локтя неудобно нам обоим. Если бы мы встретили инквизитора рангом повыше, он заметил бы дрожь ее мышц от напряжения. Она заслужила каплю благодарности просто за то, что позволила мне побыть вне клетки хотя бы на пару минут дольше положенного минимума.

Я осторожно перебираюсь выше. Соскальзываю с руки,

взмахиваю крыльями раз, другой, чтобы погасить инерцию, и устраиваюсь на ее плече. Лапы смыкаются на ткани платья чуть ниже ключицы. Девушка чуть замедляет шаг, позволяя мне найти равновесие, и поворачивает голову. Уголок ее губ дергается вверх в улыбке — настолько искренней и светлой, что на секунду я теряюсь. В Империи Полночи никто так не улыбается. Улыбки здесь либо хищные, либо безумные. Эта же похожа на трещину во льду замерзшего озера.

— Спасибо, — тихо шепчет она, обращаясь ко мне.

А затем отворачивается, делая шаг вперед, в полумрак Башни Полночи. И тут до моего птичьего мозга доходит, куда именно мы идем.

Знакомые двери. До боли знакомые резные створки из черного дерева, обитые по периметру полосами холодной стали. Кабинет моего прошлого хозяина. Нынешнего короля темной империи — Малефиса ван Мор.

Из моей глотки вырывается возмущенно-яростный звук — скрежещущий клекот пополам с вороньим карканьем. Крылья сами собой распахиваются, задевая стену коридора и сбивая со стеллажа чью-то бронзовую чернильницу. Каждая клетка моего существа требует развернуться и улететь. Прорвать потолок, сгореть в багровом свете Сорокопута, но только не входить туда добровольно. Это логово льва, а я пришел сюда в виде попугая на плече у дрессировщика.

Девушка останавливается, почувствовав вибрацию моего панического ужаса. Она кладет ладонь мне на спину, прямо

между лопаток, где сходятся перья.

— Тише, — шепчет она так успокаивающе, что пламя внутри на мгновение перестает биться о ребра. — Все будет хорошо. Ты тут был раньше?

Вопрос застаёт врасплох. Я замираю, моргая желтыми глазами. Киваю. Резко, отрывисто. Да. Именно отсюда старый король призвал меня в последний раз перед заточением. Отсюда тянется невидимая нить нашего проклятого контракта.

Ее лицо мрачнеет. Бледные брови сходятся к переносице. — Отец тебя узнает?

Что? Отец? Боги, кем она себя возомнила? Дочерью младшего писаря?

Ответ необходим. Проклятие сжимает горло ледяным кольцом, требуя правды. Я резко мотаю головой из стороны в сторону. Нет. В виде птицы меня раньше не видел никто. По крайней мере, в этом времени. Увидев это, девушка удовлетворенно кивает. Напряжение покидает ее плечи, она расправляет их, словно сбросив невидимый груз. Хмурость исчезает без следа, возвращая ту самую невозможную, сияющую улыбку.

— Тогда все пройдет хорошо, — уверенно заявляет она, будто мы идем просить прибавки к жалованью, а не совать голову в пасть василиску. — Не о чем переживать.

Она толкает тяжелую дверь кабинета бедром, даже не постучавшись. Запах дорогого табака, остывшей крови и ста-

рой бумаги ударяет в ноздри.

Я не уверен, что эта альбиноска вообще понимает, во что ввязалась и чьи законы дерзнула нарушить, приведя духа огня в кабинет Темного Короля. Но выбора у меня нет. Цепь есть цепь. Я стараюсь стать незаметным: прижимаю крылья плотнее к телу, втягиваю шею и превращаюсь в лохматое, злое изваяние на плече хрупкой самоубийцы. Насколько это вообще возможно — быть чертовой гигантской черной птицей рядом с девушкой, которая светится в темноте ярче любой ритуальной свечи.

Глава 2

Король был зол. Я это видел — мне было до боли знакомо это выражение лица, застывшее на дне его темных глаз. Именно с таким взглядом он заставлял меня испепелять целые залы приемов, пытаться толпу заговорщиков в подземельях или истязать самого себя голыми руками, когда магия требовала крови, а жертв под рукой не оказывалось.

Инстинкт выживания сработал быстрее разума. Я сжался, пытаюсь стать меньше, путая свои жесткие черные перья в ее белоснежных волосах и наверняка царапая когтями кожу шеи. Но тут же одернул себя. Где моя гордость? Архимарг Рассвета не прячется за женской шеей от взгляда тирана. Плечи расправились сами собой, принимая вес собственного достоинства, но внутри я оставался натянутой струной.

Голос Малефиса вывел меня из оцепенения. Он звучал ровно, без крика, и казался страшнее любого рыка:

— Что это за дрянь на твоём плече?

Я ожидал увидеть свою смерть. Ожидал почувствовать знакомый ледяной укус метки, которая вырвет мое пламя наружу по приказу короля, чтобы превратить эту комнату в пепел вместе со мной.

— Это Эш, — коротко и просто ответила девушка, легонько поглаживая меня пальцем по голове. — Правда красивый?

Она сумасшедшая. Точно. Теперь я уверен окончательно. Красивый? Не спорю, форма и впрямь загляденье: лощеные антрацитовые перья, хищный изгиб клюва, взгляд цвета расплавленного золота, способный прожечь камень. Но мы стоим перед Темным Королем! Нельзя же вот так говорить в лицо своему монарху? Где обязательный земной поклон? Где дрожь в голосе? Где хотя бы намек на страх перед человеком, утопившим континент в крови ради власти?

Я уже почти собрал вязь защитного заклинания в уме. Если сейчас в нее полетит темное копье или шар нестабильного хаоса, я успею перехватить удар. Контракт обязывает защищать хозяйку.

Но... ничего не произошло. Малефис лишь устало выдохнул сквозь зубы, медленно откинувшись на спинку кресла из резной кости. Его тяжелый взгляд скользнул по мне, мазнул равнодушно и прошел мимо. Он видел лишь черную птицу. Обычного ворона-переростка. Ни капли узнавания. Ни тени подозрения. Боги, неважно какие — светлые, которых больше нет, или темные, которым он служит — я молился всем им сразу, чтобы так оставалось впредь.

— Под твою ответственность, — бросил король. Это было сказано настолько равнодушным, мертвым тоном, что воздух в кабинете показался мне холоднее льда. словно речь шла не о духе огня, а о потерянной домашней крысе.

Девчонка лишь улыбнулась. Радостно, широко и настолько светло, что мне показалось — эта вспышка чистого сча-

стья сейчас физически ослепит сидящего в полумраке монарха. Но тот никак не отреагировал. Он опустил глаза обратно к стопке бумаг на столе, полностью игнорируя наше присутствие, словно мы стали невидимыми тенями на стене.

— Спасибо, па! — прошебетала альбиноска. Она подпрыгнула на месте от избытка чувств.

Я едва удержал равновесие, судорожно впиваясь когтями в ткань платья, чудом не свалившись с плеча прямо на стол перед королем. Этот маневр вызвал у Малефиса очередной глухой, вибрирующий вздох усталости.

— Вся в мать... — тихо проронил он, не отрываясь от чтения какого-то донесения. В этих двух словах было столько тоскливой нежности, сколько я не слышал в этом дворце за все пятьсот лет. — Иди уже.

Альбиноска буквально выпорхнула из королевского кабинета, едва не сбив дверной косяк. Дверь захлопнулась, отрезая нас от запаха старой крови и табака. Мы оказались в пустом коридоре. Девушка снова пошла ровным шагом, тихонько напевая себе под нос какой-то незамысловатый мотив.

А я сидел на ее плече, чувствуя, как впервые за столетия расслабляются мышцы спины, и всё пытался осмыслить, что это вообще было. Сумасшедший дом. Королевский кабинет оказался местом большей нелогичности, чем кипящая пустота в моей груди.

Девушка весело щебечет, перепархивая через очередной

зал с высокими сводами. Ее шаги эхом отражаются от мрамора, но сама она звучит как весенний ручей — неуместно и звонко.

— Видишь? — Она легонько качает головой, отчего я едва не теряю равновесие на ее плече. — Я же говорила. Все прошло хорошо.

Я пытался осмыслить хоть часть тех слов, что она произносила, уже совсем не обращая внимания на пролетавшие мимо нас коридоры. Мой разум хищника сейчас работал вхолостую, пытаюсь сложить картину из осколков разбитого витража. Мозаика отказывалась собираться.

— Отец, конечно, та еще зануда, — продолжала она, словно мы только что вышли не из кабинета тирана, а от скучного учителя этикета, — но пока я ему служу, мне позволено даже больше, чем брату.

Она дочь короля. Факт оседал в голове тяжелым свинцом. Дочь Малефиса ван Мор. Но почему тогда выглядит так бедно? Где шелка цвета венозной крови? Где парча, закаленная сталь доспехов, подобающая принцессе Империи Полуночи? Почему на ней серое платье, которое постыдилась бы надеть и прачка? И главное — почему король вообще оставил в живых ходячую слабость в ее лице? В этом мире альбиносов либо приносят в жертву в первый день рождения, либо держат в цепях для утех. Как она «служит» отцу? Вопросы копились, сталкивались друг с другом и взрывались внутри черепа новыми вспышками недоумения. Ответов не было.

Через непродолжительное время — пара поворотов, подъем по винтовой лестнице, запах воска и сухих трав — девушка буквально влетела в высокие двустворчатые двери. Вероятно, бывшие ее покоями. Пространство здесь дышало иным воздухом: более теплым, пахнущим старой бумагой и пылью, а не гниющей плотью остального дворца.

К ней тут же подошла служанка, и я с холодным удивлением отметил, что та выглядит лучше, чем сама принцесса. На прислуге было темно-синее платье из добротного сукна, чистый белый передник, волосы убраны под аккуратный чепец. Выглядеть опрятнее наследницы престола — это какой-то новый уровень дворцовой иерархии.

Моя нынешняя хозяйка лишь отмахнулась от поклона женщины.

— Я хочу побыть одна, Мирра. Меня не трогать, пока не позову. Даже если придет Ксавьер или отец передумает насчет ужина.

Служанка молча склонилась в глубоком поклоне, прижав руки к груди. Ни единого вопроса, ни тени недовольства. Лишь безупречная выучка. Она попятилась к выходу, закрыла за собой тяжелые створки, и звук задвигаемого засова прозвучал оглушительно.

Мы остались одни. Только вот теперь я сидел на резном столбике балдахина огромной кровати, совершенно не зная, что думать. Пятьсот лет боли научили меня понимать врагов, союзников, предателей и фанатиков. Но логика этой бледной

девчонки была сродни безумию древних богов. Служить отцу-тирану ради привилегий быть незаметной? Ходить в лохмотьях, имея доступ к королевской сокровищнице? Держать на плече проклятого духа и называть его «красивым»?

Огонь внутри ворочался беспокойно. Он привык выжигать ложь дотла, но здесь лжи не было. Была только абсолютная, сбивающая с толку искренность сумасшедшего человека.

Девушка оставила меня одного на какое-то время, бросив через плечо короткое: «Не подглядывай, я быстро».

Я лишь недоуменно склонил голову набок. Вот еще. Ей вряд ли исполнилось хоть полсотни лет — сущий ребенок. Разве там есть, за чем вообще подглядывать? Я прикрыл глаза пленкой третьего века, притворяясь спящим и погрузился в свои мысли. Пятьсот лет одиночества научили ценить тишину.

Прошло около десяти минут, когда засов снова щелкнул. Из-за ширмы вышла уже... совсем другая девушка.

Хаос белоснежных волос был собран в строгий, тяжелый узел на затылке. Черная брошь-ворон тускло поблескивала среди локонов у виска, словно следила за мной стеклянным глазом. На ней было аккуратное, закрытое платье из темно-серого шелка — вероятно, ночное. Никаких кричащих разрезов или корсетов Империи Полночи. Только мягкая ткань, стекающая к полу.

Я только сейчас задумался о ходе времени. В моей клетке

нет ни дня, ни ночи. Девушка упоминала ужин, значит, скоро вечер? Багровая звезда Сорокопут должна была опуститься к самым решеткам двора.

Увидев меня на балдахине, она замерла. А затем ее лицо буквально просияло. Она всплеснула руками, совершенно забыв о королевской осанке:

— Ты здесь! Ох, Эш, я так боялась, что ты исчезнешь...

Она шагнула ко мне, но остановилась на полпути. Радость на ее лице сменилась неловкостью. Альбиноска сцепила пальцы перед собой, нервно теребя край рукава.

— Прости. Я, наверное... утомляю тебя своей болтовней. Тебе ведь это неприятно слушать?

Она смотрела на меня с такой робкой надеждой, будто ждала ответа. Видя, что птица лишь молча склонила голову набок — а что еще мне оставалось? Клекотать ей ритм речи? — она нахмурилась. Ее бледные брови сошлись к переносице. Она явно пыталась решить сложную логическую задачу.

Девушка медленно выдохнула, подбирая слова с точностью сапёра, идущего по минному полю:

— Разрешаю тебе принять тот облик, который является для тебя истинным. Или... любой другой, какой пожелаешь сам.

Мне не нужно было других слов. Возможность задать вопросы прямо, без ограничений пернатой твари, перевешивала пока что опасность сказать что-то не то.

Решение принято. Я оттолкнулся от балдахина сильнее,

чем требовалось. Перелетел через всю комнату и тяжело приземлился ровно по центру пушистого ковра. Вспышка золотого света ударила по стенам, на мгновение ослепив даже меня самого.

Перья птицы взорвались в воздухе мириадами черных искр и начали плавиться. Плоть текла, как раскаленная бронза, собираясь в новую форму. Узоры стекающей лавы формировали широкие плечи, высокую грудь, руки с пальцами, способными дробить камень. Золотые жилы магмы вспыхнули под пепельно-серой кожей. Когда световой шторм утих, посреди комнаты стоял уже привычный для нее образ «элементаля». Существо, которое она называла красивым, теперь возвышалось над ней, дыша жаром кузнечного горна.

Девушка чуть вздрогнула от ударившей по глазам вспышки, инстинктивно прикрыв лицо ладонью, но всё же с неослабевающим интересом наблюдала за моей трансформацией. Она не отступила, не вскрикнула — лишь приоткрыла рот, глядя, как чернота перьев впитывается в кожу, становясь пеплом.

Когда световой шторм утих и я выпрямился во весь свой немалый рост, она опустила руку. Ее белые глаза бегло осмотрели меня: от пульсирующих золотых жил на груди до когтистых стоп, оставляющих темные подпалины на ворсе ковра.

— Это больно? — тихо спросила она, хотя ответ должен

был быть очевиден любому идиоту, видящему мое состояние.

Я позволил каменному выражению лица дрогнуть в короткой усмешке.

— Нет.

И решив для себя, что честность сейчас обойдется дешевле, чем вечные недомолвки, добавил, внимательно следя за ее реакцией:

— Вне клетки — не больно.

Девушка замерла. Ее рука дернулась вверх — чисто рефлекторное движение пальцев к серебряному крылу ворона, заколотому в волосах. Она нахмурилась, осознав этот жест, словно дотронулась до чего-то грязного или опасного. Но вместо того чтобы сорвать брошь, она лишь медленно выдохнула через нос, принимая новую реальность.

Ее любопытство оказалось сильнее страха. Она сделала крошечный шаг вперед, склонив голову набок.

— Кто ты такой?

— Архимаг, — голос прозвучал низко и хрипло, горло еще не до конца привыкло к человеческой речи после столетий молчания.

— Почему оказался в... «клетке»? — она запнулась на слове, явно понимая всю его унижительность.

— Шантаж. Предательство.

— Ты всегда был таким? — ее взгляд скользнул по лавовым узорам моего тела.

— Человеком, — коротко ответил я, позволяя ей самой додумать разницу между тем, кем я родился, и тем, во что превратило меня проклятие.

— Откуда ты знаешь моего отца?

— Он мой хозяин. Бывший, — последнее слово я выплюнул вместе с облачком черного дыма.

Она моргнула. Информация ложилась на ее восприятие тяжелыми камнями. Мой разум мог обрабатывать это мгновенно, для нее же мир только что перевернулся.

Я отвечал ровно тот минимум, чтобы оставаться в рамках правды. Никаких имен предателей. Никакого описания резни Рассвета. Ни слова о том, чьим именно сыном является Малефис. Ровно столько, чтобы утолить ее жажду знаний, но так, чтобы моя обнаженная душа не стала оружием в руках этой непредсказуемой девчонки. Слишком много правды убьет быстрее, чем самая искусная ложь.

Видя, что девушка молчит, осмысливая услышанное и позволяя информации улечься в ее голове, я все же решил-ся. Пятьсот лет изоляции научили меня ценить информацию больше, чем гордость. Если сейчас замолчать, она может закрыться снова, и тогда мне придется десятилетиями гадать о правилах игры в этом сумасшедшем доме.

Нужно начать с какого-то легкого вопроса, который не вызовет подозрений и вернет ей ощущение контроля над ситуацией.

— Как... — голос предательски скрипнул, пришлось про-

чистить горло от пепла. Я заставил себя смотреть чуть мимо ее лица, на стену. — Как я могу к вам обращаться?

Это прозвучало почти буднично, сухо. Мне действительно не было никакого дела до ее имени или титулов. Это была лишь проверка: готова ли она отвечать на мои вопросы так же, как я отвечаю на ее?

Девушка удивленно моргнула, словно ожидала чего угодно — но не ответного вопроса.

— Лирата ван Мор, — ответила она. Но тут же смутилась собственного официоза, опустив взгляд на свои руки. Вздохла, расслабляя плечи. — Но... можно просто Лира.

Я коротко кивнул, принимая правила этой странной беседы. И задал следующий вопрос, терзавший меня уже долгое время, пока мы шли по коридорам:

— Что от меня требуется?

Лира нахмурилась. Ее бледные брови сошлись к переносице, а голова склонилась набок под углом, невозможным для обычного человека. Она явно пыталась найти подвох в моих словах, сверяя их со своим пониманием мира.

— А что от тебя требовал мой отец? — спросила она вместо ответа.

Ее любопытство граничило с безрассудством. Она спрашивает об этом так легко, будто интересуется меню вчерашнего ужина.

Я начал сухо перечислять, глядя поверх ее головы. Слова падали в тишину комнаты, как камни в глубокий колодец:

— Убивать. Пытать. Умирать.

Девушка резко, судорожно выдохнула. В ее абсолютно белых глазах мелькнул ужас.

— Умирать?

Я просто кивнул. Безэмоционально. Да. Хозяин имеет право забрать мою жизнь одним словом, точно так же, как имеет право выдернуть меня из небытия обратно в эту гниющую оболочку. Приказ есть приказ. Магия контракта не делает различий между «принеси воды» и «разорви себе грудную клетку».

Пусть слышит. Пусть знает. Пусть эта светлая душа во тьме поймет, какая бездна безумия плещется за фасадом ее драгоценного папаши. Он не просто тиран. Он тот, кто держит на коротком поводке саму смерть и заставляет ее плясать ради забавы.

Лирата вновь замолчала. Она нахмурилась, переваривая мои слова о смерти, потом медленно кивнула самой себе, словно принимая какое-то тяжелое решение, и сделала шаг ко мне.

Робко. Совсем маленькими шажками, глядя на меня снизу вверх с тем самым детским любопытством. Я не двигался с места, позволяя ей сокращать дистанцию. Но когда ее пальцы оказались в опасной близости от моей руки — раскаленной, покрытой коркой остывающей магмы, готовой обжечь любого смертного при малейшем касании, — я резко отступил назад.

— Не стоит, — коротко бросил я.

Она тут же замерла. Опустила руку вдоль тела, и я увидел, как по ее лицу скользнула тень разочарования. Боги, какой же она еще ребенок. Смотрит на ходячее стихийное бедствие так, будто это дикий зверек в королевском зоопарке, которого хочется погладить за ухом.

В целом, даже если бы она коснулась меня, ничего страшного бы не произошло для нее. Проклятие обязывает защищать хозяйку ценой собственной шкуры; инстинкт самосохранения заставил бы меня мгновенно сократить выброс тепла, остудить кожу до едва теплого состояния. Но именно этого я и хотел избежать. Позволить ей прикоснуться добровольно? Нет. Расстояние между нами должно быть физическим, а не только метафорическим.

Дальше Лирата опустилась в ближайшее кресло, обитое темным бархатом. Поджала под себя ноги, совсем не по-королевски, превратившись из принцессы Империи Полночи в обычную девчонку, сбежавшую с уроков. Она обхватила колени руками и тихо спросила:

— Тебе бывает одиноко?

Я уже начал привыкать к тому, как устроены ее мысли. К этому потоку сознания, который прыгает словно мячик. Я чуть склонил голову, подтверждая очевидное. Да. Я обязан быть честным, пока вопрос задан прямо, а то, что я одинок настолько же глубоко, насколько связан цепями контракта, было правдой абсолютной и выжженной во мне каленым же-

лезом.

Девушка вновь грустно окинула меня взглядом, задержавшись на золотых жилах, пульсирующих в такт моему сердцу. А после улыбнулась. На этот раз не той светлой, ослепляющей улыбкой, а горькой усмешкой. Уголки губ дрогнули вниз. Я на секунду испытал укол жалости по отношению к этому цветку, попавшему в грязное болото придворных интриг. Ей здесь не место.

Но ее следующие слова вымели из головы все посторонние мысли, натянувшие нервы до звона:

— Я знаю, что ты можешь сделать для меня, Эш.

Вот оно.

Мое тело среагировало быстрее разума. Мышцы спины свело судорогой готовности. Новое задание. Новая кровь. Новый виток боли, который потребует проклятая метка. Я застыл, вперив тяжелый взгляд ей в глаза, пытаюсь прочесть хоть что-то в этой белой бездне зрачков. Пытка? Казнь? Шантаж?

Сделал шаг вперед. Механический, выверенный шаг хищника, загоняющего добычу. Но замер на полпути. Не унижайся. Терпи. Мысленно уговаривал я себя, хотя разум метался в панике, перебирая варианты: хочет увидеть процесс моей смерти вблизи? Приказать принести ей голову какого-нибудь глупого ухажера, которому она симпатизирует тайком от отца?

Но когда она ответила, разрывая гнетущую тишину ком-

наты, я понял, насколько ошибался. Насколько сильно мой тысячелетний опыт убийств исказил восприятие реальности. Точно. Она же сумасшедшая...

— Ты будешь мне другом, Эш?

Вопрос повис в воздухе, смешиваясь с запахом гари и старой бумаги. Другом. Слово ударило по сознанию тупым предметом. Оно не имело веса приказа. Оно вообще не вписывалось в парадигму «хозяин-раб». Метка внутри меня молчала, потому что просьба не была приказом. Она оставляла выбор. И именно эта почти забытая свобода выбора пугала меня.

Я молчал. Долго. Видимо, слишком долго для ее терпения.

Девчонка опустила голову, сцепив пальцы так, что побелели костяшки. Плечи дрогнули — она явно ждала ответа, смеха или хотя бы рыка. Не дождавшись, она вздернула подбородок. В ее глазах блеснул опасный огонек упрямства, а голос прозвучал чуть холоднее, чем прежде:

— Я в любом случае помогу тебе. Подобные узы... рабство. Это неправильно и не поощряется даже в Темной империи. Должен быть суд. Казнь. Кровь. Но не бесконечная пытка.

Я смотрел на нее, пытаясь сопоставить звуки с смыслом, но слова отказывались складываться в логическую цепочку. Что от меня требуется? Какая помощь? Какие суды? Она говорит о моем освобождении?

С горечью и ледящей паникой я осознал страшную истину. Сколько бы я ни тешил себя иллюзией того, что остался прежним Каэланом — что всё еще могу хотеть, мечтать, надеяться, строить планы мести, — это всё ложь. Проклятие выжгло во мне личность, оставив лишь каркас реакций. Сейчас, не слыша четкого приказа, направляющего мою волю, я буквально разваливался на части, не в силах собрать мысли воедино.

Другом? Помочь? Что она несет?

Что мне ответить? Как реагировать? Мой разум, мои чувства настолько атрофировались за столетия слепого подчинения, что свобода воли парализовала их лучше любых оков. Минуту назад я мог обманывать себя иллюзией целостности. Пока был приказ «убей», «защити» или «стой», я знал, чему сопротивляться. Моя ненависть была компасом. Но сейчас компас сломался. Стрелка металась между полюсами «Убей ее» и «Защити». И эта неопределенность причиняла физическую боль.

Видя, что я никак не реагирую на ее слова — просто стою посреди комнаты пылающим факелом, неспособным даже моргнуть, — Лирата отвернулась. Ее плечи поникли. Она коротко кивнула самой себе, принимая мое молчание за отказ. За очередное подтверждение своей ненужности этому миру.

— Спокойной ночи, Эш, — тихо бросила она через плечо.

Она подошла к кровати, откинула тяжелое одеяло и забралась внутрь, свернувшись под ним клубком. Ткань скрыла ее

белоснежные волосы, оставив на виду только бледную щеку.

А я остался стоять неподвижным столбом жара. Мои ноги словно выросли в каменный пол. Приказа спать не было. Приказа уйти обратно в брошь тоже. Метка требовала присутствия рядом с хозяйкой, но не диктовала позу.

Так я и простоял до самого рассвета: живой маяк, освещающий спящую принцессу своим собственным погребальным огнем.

Ночь была тяжелой. Время для меня потеряло смысл, превратившись в вязкую смолу. Я стоял неподвижно, но мой разум не спал — он жег сам себя изнутри, пытаясь переварить чужеродное понятие «друг».

Я слышал, как нервно сопела девушка там, за балдахинном кровати. Как она ворочалась с боку на бок, сбивая шелковые простыни. Слушал, как спустя час ее дыхание наконец выравнивается, становясь глубоким и ровным. И думал. Мне потребовалась вся эта бесконечная ночь, чтобы прийти к одному простому решению. Раньше, пятьсот лет назад, это заняло бы секунды. Сейчас я потратил часы.

Когда первые лучи мертвого багрового Сорокопута начали пробиваться сквозь решетки окон, окрашивая комнату в цвета запекшейся крови, Лирата начала просыпаться. Я не шевелился. Она потянулась под одеялом, разминая затекшее тело, и замерла. Видимо, уловила всполохи моего огня периферийным зрением или почувствовала кожей поднимающееся от пола тепло.

Затем я услышал тихий, горький вздох. Звук абсолютной безнадежности.

Лирата села на кровати, откинув волосы с лица. Она мазнула по мне взглядом — быстрым, скользящим, полным той самой боли, которую я видел вчера вечером перед тем, как она отвернулась. В этом взгляде было разочарование. Она уже записала меня в список своих неудач. Решила, что древний дух оказался слишком диким, слишком сломленным, чтобы понять человеческую потребность в тепле.

Ее босые ноги коснулись ковра. Девушка встала, кутаясь в тонкую шаль, лежавшую в изножье. Когда ее рука уже коснулась резной ручки двери, ведущей, вероятно, в умывальню, я все же разомкнул губы. Голос после ночи молчания прозвучал хрипло:

— Буду.

Она застыла. Пальцы так и не сомкнулись на медном кольце ручки. Медленно, словно боясь спугнуть звук, Лирата развернулась. Посмотрела на меня снизу вверх. Я уже повернулся к ней всем корпусом, разрывая свою ночную неподвижность, и наши взгляды встретились. Ее глаза спросонья были мутными, расфокусированными; она явно пыталась осознать услышанное сквозь пелену сна.

Видя, что она не совсем понимает контекст моей короткой фразы, я повторил. Четко. Так, как отдают присягу:

— Я буду тебе другом, Лира.

Про себя я жестко дополнил эту мысль: что бы это ни зна-

чило. Если альтернатива — вернуться в брошь, если цена этого слова — возможность стоять на твердом полу вместо кипящего серебра, я готов стать хоть ручным питомцем, шутом. Думать о том, чем закончилась моя прежняя дружба с Корвином, какой нож вошел мне в спину тогда... Не хотелось. Боль от предательства еще сочилась гноем где-то в глубине души, и прикасаться к ней сейчас было опасно.

Но выбора же не было, да? Просто девочка не умеет отдавать приказы. Она просит то, что должна требовать. Это вероятно делает ее слабой в глазах двора, но смертельно опасной в моих — непредсказуемой. Если ей хочется видеть себя хорошей, светлой и правильной, я дам ей эту иллюзию. Поддержу этот самообман. Посмотрим, насколько хватит ее «дружбы» по отношению к «рабу», когда новизна ощущений пройдет, а разум начнет задавать неудобные вопросы.

Глава 3

Девушка улыбнулась. Искренней, чистой, почти болезненно яркой улыбкой на бледном лице. Я вновь залюбовался отблесками моего собственного золотого света в этих абсолютно белых глазах — они ловили магму моих вен и отражали ее мягким сиянием.

Но после Лирата нахмурилась. Ее брови сошлись к переносице, а взгляд стал отстраненным — она явно решала для себя какую-то сложную внутреннюю задачу, взвешивая мои слова на невидимых весах. И ответила:

— Спасибо. Я ценю это.

А затем просто развернулась и скрылась за дверью умывальни, оставив меня одного посреди комнаты.

И я почувствовал себя предателем. Или обманщиком. С чего вдруг? Я же ничего ей не обещал по-настоящему. «Друг» — понятие расплывчатое, эфемерное. Каждый понимает его по-своему: для нее это теплое плечо, для меня пятьсот лет назад это был соратник с мечом у горла. Мы говорим на разных языках даже одними словами. Но все же... яд разочарования показался мне горше пепла моей клетки.

Девушка вновь прервала эти опасные размышления своим появлением. Она легко выскользнула из двери. Волосы влажно темнели на висках, капельки воды стекали по её фарфоровой коже вниз, исчезая под воротом ночной рубашки.

Я чуть залюбовался перламутровыми переливами влаги на альбиносной коже — такой хрупкой, что казалось, тронь — и она рассыплется ледяной крошкой.

Я сделал шаг вперед сам того не осознавая. Ноги понесли тело быстрее, чем разум успел возмутиться этой странности. Лирата распахнула в удивлении глаза, но не отстранилась. Не вскрикнула. Лишь замерла, глядя, как я поднимаю руку.

Моя ладонь была раскалена — золото жил светилось сквозь кожу опасным жаром. Я провел ею над её локонами, всего в дюйме от прядей. Влага мгновенно обратилась в пар с тихим шипением; теплый воздух прошелся по комнате. Следующим движением пальцев я бросил простенькое бытовое заклинание укладки — ту самую вязь, которой когда-то приводил в порядок собственные волосы перед выходом в Зал Совета. Магия мягко легла на белые пряди, заставляя их лечь мягкой, аккуратной волной вместо растрепанных со сна колтунов.

Лирата осторожно подняла руки. Аккуратно потрогав результат моей работы кончиками пальцев у виска, она медленно опустила их. А затем перевела на меня взгляд.

Ее глаза сияли. Буквально. Отраженный свет смешивался с моим внутренним огнем, создавая иллюзию, будто внутри этой хрупкой девчонки тоже бушует пламя.

И в этот момент я ощутил тепло в груди. Глубоко, там, где должна быть душа или то, что от нее осталось. Это было не физическое тепло лавы, рвущейся наружу. Это было

нечто иное. Почти забытое, атрофированное чувство, которое я не мог классифицировать. Оно щекотало ребра изнутри, грозясь перерасти во что-то большее. Я не помнил, как оно называется и что именно значило, но инстинкт подсказывал точно: это что-то хорошее. Что-то, ради чего стоило терпеть эту ночь.

Я сделал шаг назад, разрывая контакт наших взглядов. Девушка почти разочарованно выдохнула — тихо, на грани слуха, словно воздух выпустили из проколотого шарика, — но тут же взяла себя в руки. Плечи расправились, подбородок едва заметно приподнялся. Было странно наблюдать в ней такие резкие перемены. Только что передо мной стоял хрупкий, потерянный ребенок, которому я сушил волосы, и вот секунда спустя — юная леди, хозяйка покоев, осознающая свой статус. Я позволил себе тихонько хмыкнуть уголком губ.

Она окинула меня быстрым взглядом с ног до головы и произнесла обманчиво-строгим тоном:

— Мне нужно привести себя в порядок для утренней аудиенции. Мирра вряд ли оценит постороннего мужчину в моих покоях.

Я видел это по её хитрым глазам — она вовсе не сердилась. Ей нравилось играть в эту взрослость.

Я хмыкнул уже громче, качнув головой. Скажет тоже. Меня сейчас за мужчину примет только слепец или безумец, каким она, вероятно, все же является. Существо из магмы и

ненависти мало похоже на кавалера для юных дев.

И все же кивнув ей в знак согласия, я оттолкнулся от пола. Мышцы привычно свело короткой судорогой трансформации. Перья взметнулись черным вихрем, застилая обзор на долю секунды, а когда прах осел, я уже сидел на высокой резной спинке кресла, сложив крылья. Лира всё еще смотрела на место, где я только что стоял, удивленно-восторженно приоткрыв рот. И как ей не надоедает? За тысячу лет зрелище того, как плоть течет жидким золотом, успело мне порядком приесться.

Девушка улыбнулась моей новой форме — коротко, солнечно — и, подойдя к кровати, дернула за неприметный шелковый шнурок звонка, спрятанный в складках балдахина. Не прошло и минуты — будто служанка стояла под дверью, считая наши вздохи, — как створки беззвучно распахнулись. В комнату вошла уже знакомая мне Мирра со стопкой отглаженного белья.

Решив не смущать девушку своим пристальным вниманием — да и самому не очень-то (ведь правда же?) хотелось посмотреть на это угловатое, детское тело, которое природа обделила всеми женскими округлостями, — я отвернул голову. Резко, всем корпусом повернулся в сторону окна, разглядывая утреннее небо сквозь толстую решетку.

Небо было непривычным.

Багровое марево Сорокопута заливало шпили Цитадели мертвенным светом. Плотные свинцовые облака висели так

низко, что казалось, их можно коснуться рукой, выпачкав пальцы в копоты. Я помню его другим. Моя память, погребенная под слоями лавы, редко давала сбои в таких вещах. Тогда небосвод был пронзительно-синим, глубоким, цвета сапфиров южных морей. А над горизонтом вставали два светила: холодное серебро Луны и яростное золото Солнца. Их лучи переплетались, создавая причудливые узоры теней, которые никогда не повторялись дважды. Воздух тогда пах озоном после грозы и цветущими вишнями, а не жженым мясом и страхом. Сейчас же даже ветер снаружи вонял гарью крови.

За спиной раздался ритмичный шорох ткани о ткань. Звук переодевания смешивался с короткими, ворчливыми причитаниями служанки:

— Ох, ваше высочество, ну разве ж можно босиком по камню... Застудитесь совсем, косточки-то прозрачные... Вот сюда рукавчик проденьте, аккуратнее, там крючок острый... Мать Тени, опять пятно масляное посадили на манжету, чем вы вчера писали? Его величество гневаться будет, он чистоту любит...

Лирата отвечала ей лишь редкими «угу» и «спасибо, Мирра», полностью поглощенная процессом затягивания корсета. Она дышала часто и мелко, пока служанка туго стягивала шнуровку на спине, превращая почти мальчишескую фигуру во что-то отдаленно напоминающее женский силуэт принцессы Империи Полночи.

Когда шорох ткани и бормотание Мирры стихли, сигнала

лизируя о завершении утреннего туалета, Лирата отошла от зеркала. Она двигалась плавно, почти бесшумно в мягких туфлях без каблучков. Я следил за ней немигающим птичьим взглядом, отмечая, как тусклый свет играет на серебряной броши в ее волосах.

Она остановилась прямо перед моим креслом. Протянула руку — медленно, давая мне время отстраниться, если я захочу. Я остался неподвижен. Ее пальцы были холодными после умывания, контрастирующими с жаром, который я источал даже в спокойном состоянии. Девчонка чуть касалась моих черных перьев на загривке, проводя от основания шеи к макушке. Жест был до абсурда интимным, словно она гладила любимую кошку, а не древнее оружие массового поражения.

— Мирра, принеси мою повседневную накидку, — голос Лираты звучал ровно, но в нем появились новые, металлические нотки.

— Госпожа, ну что вы! — тут же запричитала служанка, всплеснув руками. Платье, которое она держала, едва не упало на пол. — Не место этой твари рядом с вами! Когти острые, клюв... Вон, посмотрите, обивку кресла уже поцарапал! Прикажете ему вернуться в клетку, негоже леди таскать на плече падальщика!

Лирата лишь коротко, раздраженно отмахнулась, даже не удостоив верную служанку взглядом.

— Эш пойдет со мной.

Я счел это достаточным разрешением. Легко оттолкнулся когтистыми лапами от дерева. Воздух ударил под крылья тугой волной. Один взмах, второй — я перелетел через комнату и тяжело опустился ей на правое плечо. Благо, оно было обтянуто плотной тканью платья, а не оголено, как принято у знатных леди Империи (которые выставляют напоказ бледную кожу, чтобы подчеркнуть отсутствие физического труда). Мои когти сомкнулись на плотном сукне; ткань натянулась, но выдержала мой вес.

Мирра недовольно поджала губы, сморщив нос так, будто учуяла запах гниения. Она присела в глубоком, подчеркнуто медленном поклоне, предназначенном вовсе не принцессе, а выражающему крайнюю степень неодобрения ситуации.

— Как угодно, ваше высочество.

Лира грациозно вышла из комнаты. Я чувствовал, как напряглись мышцы под моей левой лапой. Она заново привыкала к непривычному весу моего тела, слегка пошатнувшись на первом шаге через порог. Но альбиноска была удивительной: спустя минуту ритмичного цокота по камню она уже шла так, будто меня там не было. Плечо оставалось идеально ровным, дыхание — размеренным.

Мы миновали несколько коридоров, и я вновь отмечал странную двойственную реакцию слуг. Те, кто стоял ниже по иерархии — младшие пажи, кухонная прислуга, — жались к стенам, крестились или прятали лица в воротники, глядя на нас со смесью ужаса и любопытства. Черный коршун на пле-

че белой принцессы выглядел дурным знамением. Зато стража и мажордомы склонялись в почтительных поклонах, провозжая Лирату взглядами, полными благоговейного трепета. Они видели не белую ошибку природы, а кровь ван Моров. И то, что эта "ошибка" спокойно носит на себе существо, похоже совсем их не волновало.

На моих глазах, шаг за шагом, происходила трансформация. Если из комнаты выходила маленькая леди, прячущаяся в складках платья, то сейчас вдоль этих мрачных стен шла почти королева. Каждый шаг становился тверже. Хватка пальцев, которые пару минут назад неуверенно гладили мои перья, теперь лежала на бедре расслабленно, по-хозяйски. Спина выпрямилась, стирая память о сгорбленной фигуре в кладовой. Она впитывала этот страх и уважение окружающих, превращая его в свою броню.

Тяжелые двустворчатые двери черного дерева в конце галереи распахнулись перед нами сами собой — стоящие по бокам гвардейцы синхронно рванули латные рукавицы к груди в воинском приветствии. Мы вошли внутрь.

Я увидел помещение, вероятно служившее малой столовой. Никакой помпезности главного тронного зала: овальный стол из темного дуба, рассчитанный персон на десять, удобные стулья с высокими спинками. За столом уже сидел один человек. Возможно, старший брат Лираты лениво крутил в длинных пальцах ножку хрустального бокала с чем-то темно-рубиновым. Увидев сестру, он приподнял бровь, пе-

реводя взгляд с нее на мое черное изваяние у нее на плече. Уголок его губ дрогнул в усмешке, но глаза остались серьезными.

Я напрягся, готовый к чему угодно. Мужчина откинулся на спинку стула, отставив бокал. В отличие от Лираты, в нем не было ни капли мягкости — только хищная грация молодого волка. Острые скулы, тяжелый, раздвоенный подбородок и глаза цвета старой бронзы — почти точная копия отца, если бы не отсутствие той гнетущей ауры безумия, что всегда окружала Малефиса.

Он окинул меня оценивающим взглядом и язвительно протянул:

— Неужели сестрица наконец нашла подходящую её силе жертву для Ночи Очищения?

Ночь Очищения. Я помнил этот проходной ритуальный праздник. Формально он знаменовал очищение крови Империи от примесей, но по факту был лишь поводом для знати похвастаться новыми пыточными инструментами и пролить немного чужой алой жидкости без приказа короля. Для принцессы предлагать в качестве жертвы животное — действительно унижительно. Это низводило ее статус до уровня младшего послушника-инквизитора.

Я чуть клацнул длинным клювом в агрессивно-защитном жесте, едва сдерживаясь, чтобы не выдохнуть струю пламени прямо над ухом хозяйки. Лирату это, кажется, ничуть не смутило. Она мягко, успокаивающе погладила меня пальца-

ми по голове, там, где перо переходило в жесткий ворс. Ее прикосновение было прохладным, отрезвляющим. Но я совершенно не понимал, почему она так спокойно реагирует на эту издевку. Почему не приказывает мне разорвать ему горло за оскорбление короны?

Но то, что она ответила брату, а главное — каким тоном, заставило меня взглянуть на этого ребенка совсем по-другому.

Холодным, таким же язвительным тоном, с высокомерными, стальными нотками истинной ван Мор, она произнесла почти скупающе, лениво рассматривая свои ногти:

— Боюсь, в следующий раз тебе придется выращивать новые глазные яблоки, братец. Ведь эти я уже пообещала скормить моему Эши в качестве десерта после мессы.

От такого обращения меня чуть повело в сторону, когти впились глубже в сукно платья. «Моему Эши». Звучало как клеймо. Непривычно. Унизительно. Но терпимо.

Я удивленно моргнул, переводя взгляд с брата на сестру. О чем она? Мне выклевывать ему глаза буквально? И откуда взялся этот тон ледяной королевы, способной отправить под нож целые провинции просто потому, что ей не понравился цвет скатерти?

Вопреки моим ожиданиям, её брат не разозлился. Угроза собственной слепоты вызвала у него лишь приступ веселья. Его смех не был настолько же чистым и звонким, как у Лиры накануне — скорее, он походил на хриплое воронье карка-

нье, эхом отражающееся от дубовых панелей стен.

— Узнаю свою сестренку, — отсмеявшись, он качнул головой. На его лице проступило искреннее любопытство. — Так где ты нашла такое чудо? В сокровищнице папеньки или вытащила из дымохода?

Перемена Лираты была разительной и резкой, словно щелчок пальцев. Холодная, режущая маска наследницы Тьмы слетела с её лица вмиг, обнажая суть. Губы вновь расползлись в той самой искренней, детской улыбке, которую я видел утром. Я все никак не мог отследить эту грань её метаморфозы — ту точку перехода от убийцы обратно к ребенку.

Она шагнула в комнату полностью, отпустив дверную ручку, и ответила радостно, тепло, будто я просто случайно прилетел к ней во время прогулки по саду, а не сидел на плече древним проклятием:

— Он теперь мой друг!

Эта фраза прозвучала с такой неподдельной, звенящей гордостью, что я чуть не поперхнулся воздухом. Мои золотые жилы вспыхнули от смущения и злости на самого себя. Снова. Чертов ребенок одним предложением разрушила всю мою оборону цинизма.

Её брат перевел теплый взгляд с сестры на меня. Улыбка исчезла с его губ, сменившись серьезным вниманием старшего мужчины в семье. Он кивнул Лире, принимая её слова, но затем строго, по-отечески пожурил:

— Приглядывай за ним внимательнее, Рата. Друзья из

пепла имеют привычку обжигать ладони тому, кто держит их слишком крепко.

Лирата лишь легкомысленно отмахнулась от замечания брата, словно он напомнил ей застегнуть пуговицу, а не предостерег об огненном демоне на её плече.

Странная формулировка. Слишком поэтичная для этого места и слишком точная. Она царапнула мой разум осколком забытой памяти. Но мои размышления прервал звук открывшейся двери.

В помещение вошел Малефис ван Мор.

Старший сын коротко склонил голову в безупречном приветствии наследника. Лирата же ограничилась лишь едва заметным кивком головы, всё еще ярко сияя своей неуместной утренней улыбкой, будто мы находились не в логове чудовища, а на пикнике в летнем саду. Эта детская непосредственность рядом с источником моего проклятия выглядела пугающе.

Я напрягся до хруста в птичьих суставах. Мне вовсе не было в радость находиться в одном помещении с человеком, что причинил столько зла моему роду и мне лично. Воздух вокруг него всегда казался густым, тяжелым, пахнущим озоном перед грозой и старым пергаментом. Каждая клетка моего существа кричала о необходимости ударить первым, пока горит мост между нами.

Но Лирата чувствовала себя комфортно и расслабленно. Она плавно переместилась к столу и аккуратно пересаживала

меня со своего плеча на резную спинку соседнего кресла. Мои когти тихо клацнули по темному дереву. Ткань платья осталась цела — я умел контролировать силу захвата.

Следом вошли слуги. Молча, почти бесшумно ступая по коврам, они начали расставлять приборы: серебряные тарелки с чеканкой черепов, хрустальные бокалы, ножи с черными обсидиановыми лезвиями. Когда все блюда оказались на столе и слуги отступили в тень гобеленов, Лира коротко взглянула на меня через плечо. Ее губы едва заметно шевельнулись:

— Будешь что-то есть?

Есть?

Вопрос выбил меня из колеи сильнее, чем появление короля. В груди вновь заворочалось то самое теплое, забытое чувство, чуть приправленное горьким сожалением. Я окинул взглядом стол. Жареный фазан, кроваво-красные ягоды, темные вина... Пищеварительная система птицы вряд ли справится с местной кухней, да и магла внутри меня питается совсем иными субстанциями. Но прежде чем я успел осмыслить эту ситуацию полностью и дать ответ, заговорил ее отец.

Малефис сел во главе стола. Он даже не посмотрел на дочь — его тяжелый, давящий взгляд был направлен прямо на меня. Голос короля прозвучал жестко, режуще, как сталь по стеклу:

— Птице не место за столом. Убери это отсюда.

Я инстинктивно расправил крылья, готовясь либо атаковать, либо сорваться с места. Метка на позвоночнике ледяной иглой напомнила, что хозяйку приказ не касался, значит, рвать короля на куски нельзя. Однако к своему глубочайшему, мрачному удивлению, я был с ним даже согласен. Вся эта сцена — принцесса приносящая духа огня на завтрак — была абсурдной насмешкой над законами Империи Полуночи. Мы оба здесь чужеродные элементы. И если король хочет убрать хотя бы одного из нас с глаз долой, пусть так и будет. Это избавит меня от необходимости притворяться чучелом ради прихоти ребенка.

Но у Лираты было свое мнение на этот счет. Я уже почти устал удивляться её метаморфозам — она вдруг обиженно, совсем по-детски надула губки, сморщив переносицу. В ее глазах блеснули те самые слезы, которыми дети манипулируют родителями.

— Он будет со мной, па.

Король перевел взгляд с меня на дочь. Его массивные брови сошлись к переносице, перечеркнув лоб глубокой складкой. Он подался вперед, опираясь локтями о стол, и начал говорить тем самым тоном терпеливого наставника, который обычно предшествует отрубанию головы:

— Лирата, тебе стоит научиться слушать старших. Это создание может быть опасно. Оно не...

Но договорить он не успел. Девчонка нагло перебила его, повысив голос ровно настолько, чтобы это считалось на-

рушением этикета, но еще не открытым бунтом. Её лицо мгновенно изменилось: вместо обиды проступило капризное упрямство. Она начала буквально лепетать какую-то высокопарную чушь. Во всяком случае, для меня это звучало как абсолютный бред сумасшедшего поэта.

— Но папочка! Чтобы бриллиант по-настоящему сиял, ему необходимо иметь свою ночь! Свою глубокую, бархатную темноту для контраста. Разве ты не понимаешь? Эши станет идеальным дополнением к моему платью сегодня днем. Представь только: белый шелк, серебряная нить и черный коршун на плече. Это же так... драматично!

Так меня еще не унижали за всю мою долгую жизнь.

Я что, побрякушка? Аксессуар? Она решила пустить меня на воротник? Обить моими перьями свои тряпки, потому что «так модно»? Огонь внутри меня взвился до самого горла, требуя испепелить эту идиотскую вышитую салфетку перед ней прямо сейчас. Мое птичье тело напряглось, когти впились в дерево спинки кресла с такой силой, что полетела щепка.

Мое возмущение прервал смех. Её брат сидел, откинувшись на стуле, и переводил взгляд то на перекошенную птичью морду, то на сестру-переговорщицу. Видя наш уже общий, абсолютно идентичный возмущенный взгляд, направленный на него лично — мой полный ярости желтый огонь и её надутые губы, — принц всё же рассмеялся в полный голос. Хлопнул ладонью по столу.

Усталый, тяжелый вздох со стороны короля показался мне самым разумным звуком, который я слышал за этот день. Малефис прикрыл глаза рукой, словно у него внезапно началась мигрень.

— Ты невыносима, — глухо произнес он из-под ладони. — Забирай своего... коршуна. Слуги принесут мясо. Если он начнет гадить или клевать глазурь с фарфора — вылетай из зала вместе с ним.

Лирата просияла. Никакой обиды не осталось и в помине. Она обошла стол, легко коснулась плеча брата («Не подглядывай в мои тарелки, обжора») и села в кресло рядом со мной.

Как так получилось, что тьма этого человека кажется мне правильной, логичной и справедливой? Что холодный прагматизм Малефиса вызывает во мне больше понимания, чем этот слепящий, режущий глаза свет его дочери? Возможно, настоящая Тьма просто честна в своей жестокости. А вот этот детский Свет был куда более изощренным и непредсказуемым оружием.

Один из слуг — видимо, старший лакей, привыкший к причудам королевской семьи, — быстро сориентировавшись в ситуации, положил передо мной небольшое фарфоровое блюдо с чистой водой и тяжелую серебряную тарелку. Сверху лежали аккуратные, еще теплые кусочки сырого мяса. Судя по запаху — печень какого-то крупного зверя. Что же, стоит попробовать. Организм птицы принимал такую пищу

куда охотнее, чем моя человеческая сущность.

Завтрак далее проходил в почти звенящей тишине. Я ел аккуратно, методично отрывая куски плоти острым клювом, не пачкая ни перья, ни столешницу кровавыми разводами. Меня казалось перестали замечать вовсе: слуги скользили вдоль стен тенями, принц молча поглощал свою порцию фазана, а король медленно пил вино, глядя в одну точку где-то за окном. Лишь Лирата иногда бросала на меня короткие взгляды поверх края своего бокала. Быстрые, оценивающие, которые я никак не мог расшифровать: то ли проверяет, не подавился ли я, то ли любитесь результатом своей выходки.

Когда все насытились, а тарелки опустели, я чуть расслабился. Мышцы спины, сведенные напряжением от присутствия Малефиса, наконец отпустило. Я начал изучать присутствующих уже не как потенциальную угрозу, а как наблюдатель.

Мне почти не доводилось вот так, в спокойной обстановке осматривать короля вблизи. Обычно я видел его либо сквозь пелену боевого безумия, либо снизу вверх, ожидая удара плетью. Сейчас же я отмечал детали: глубокие морщины у рта, седые нити в темных волосах, желтизну белков глаз от недосыпа. Он выглядел уставшим правителем огромной империи, а не простым маньяком. Да и его сын привлекал мое внимание. В них обоих была одна порода хищников, но если отец был старым матерым волком, то сын пока оставался лишь поджарым гончим, рвущимся вперед.

Я никогда не думал о том, какие отношения могут быть в семье тирана. Как они делят пространство? О чем говорят за столом? Я в принципе не задумывался, что у него есть семья, помимо сына-наследника. Где жена? Вроде, я слышал обрывки разговоров прислуги, что она то-ли тяжело болеет, то-ли давно умерла... Поймав эту мысль, я совсем иначе посмотрел на девушку, сидящую рядом. Вся в мать, да? Интересно, какая женщина вообще решилась лечь в постель к кровавому королю? И было ли это добровольным поступком или очередным политическим браком, закончившимся сломленной психикой?

Звякнули приборы о тарелку — король небрежно бросил салфетку слева от себя. Звук вывел меня из размышлений. Малефис заговорил тихо, ровным голосом, который обычно предвещал землетрясения:

— Сегодня будет важный день. День Благодарения Тени. Я жду от своей крови соответствующего поведения. Никакой самостоятельности, никаких истерик в храме.

Последняя фраза сопровождалась тяжелым взглядом отца, направленным прямо на дочь. Лирата отреагировала на это абсолютно индифферентно. Она продолжала скучающе рассматривать свой маникюр, водя ногтем по лунке, словно речь шла о погоде.

— Ксавьер, — продолжил король, переведя взгляд на старшего сына. — Жду тебя через полчаса у себя в кабинете с докладом о состоянии западной границы. Лирата... Не

опаздывай.

После чего он встал. Ни прощаний, ни кивков. Просто развернулся и вышел из зала жесткой, чеканной походкой военного, которому надоела пустая болтовня.

Ксавьер поднялся следом за отцом, одернул камзол. Но прежде чем скрыться в дверях, он подошел к сестре сбоку. Его ладонь со свистом опустилась ей на макушку и взлохматила идеально уложенные белые пряди, превращая прическу «юной леди» в воронье гнездо.

— Удачи с твоим питомцем, Рата, — ухмыльнулся принц.

Возмущенный писк Лираты потонул в предупреждающем щелчке моего клюва всего в дюйме от пальцев наследника. Тот рассмеялся, ловко увернувшись от гипотетического удара, и тоже скрылся в дверях.

Девушка еще немного посидела, шумно сопя и спешно приводя волосы в порядок обеими руками. Я сидел на спинке кресла и не переставал удивляться тому, как мужчины этой семьи стойко игнорируют новое украшение в женских волосах. Для них даже черный коршун на плече сестры стал такой же обыденностью, как утренний туман над рекой.

Вскоре поднялась и она. Я вновь занял свое место на её правом плече — ткань платья приняла мой вес без единого звука. Двери малой столовой закрылись за нами, отрезая остатки тепла, и мы вновь вышли в бесконечную, давящую тьму коридоров Империи Полуночи.

Глава 4

День Благодарения Тени. Название отдавалось в памяти глухим, тревожным набатом. Что-то я слышал об этом событии — массовые жертвоприношения на площади перед Костяным Шпилем, обязательные для всей знати... Но мысли никак не собирались в кучу.

Решив проявить наглость, раз уж меня официально объявили домашним питомцем и личным аксессуаром принцессы, я легонько боднул девушку клювом в щеку. Не агрессивно, скорее требовательно, как собака, толкающая хозяина носом под локоть.

Слуга, проходивший мимо нас по коридору с ворохом чистых скатерок, споткнулся на ровном месте. Фарфоровая посуда в его руках жалобно звякнула. Он побелел так стремительно, словно увидел призрака своего прадеда, смотря на меня со священным ужасом во взгляде. Видимо, птица, проявляющая инициативу к королевской особе, ломала все законы мироздания в его картине мира. Я так и не понял причину такого поведения — для меня это был просто способ привлечь внимание.

Девушка же, кажется, правильно интерпретировала мой жест или просто была привычна читать эмоции животных. Она мягко улыбнулась мне уголком губ и начала беззаботно щебетать, совершенно игнорируя шок прислуги:

— Мне очень неловко, что пришлось подписать тебя на участие в таком скучном мероприятии. Эти церемонии всегда тянутся вечно, жрецы бубнят одно и то же. Но я обещаю, что от тебя не потребуется ничего сложного, если ты согласишься быть там со мной.

Какая глупость.

Если я соглашусь? Она действительно настолько наивна, что не понимает природу рабской метки, выжженной на моей душе, или притворяется ради собственного спокойствия? Мой контракт не предполагает вариантов «хочу» или «не хочу». Есть только её воля.

Я вновь толкнул ее клювом в щеку, уже чуть настойчивее. Это было проще, чем пытаться карканьем объяснить ей концепцию абсолютного подчинения. К тому же, касаться её кожи когтями я всё ещё опасался.

Она поняла этот жест по-своему.

— Спасибо, — продолжила говорить Лирата, принимая мое раздражение за согласие. — Я прошу лишь посидеть на моём доспехе во время смотра гвардии и, может быть, сделать один небольшой кружок над строем почетного караула. Это ведь не будет сложно, верно?

Я попытался представить этого ребенка, который едва достаёт макушкой мне до груди, закованную в тяжелую вороненную сталь полных лат. Представил, как она пытается удержать равновесие в седле под весом металла. И рассмеялся бы в голос прямо ей в лицо, если бы птицы умели сме-

яться. От абсурдности ситуации хотелось либо испепелить ближайший гобелен, либо закрыть глаза крылом.

Она же восприняла мою неподвижную птичью позу как задумчивость. Чуть погладила меня кончиками пальцев по оперению спины, у основания шеи. Тепло её рук сквозь перья казалось почти приятным. Я, кажется, начал привыкать к этой ласке с её стороны — тело само подавалось навстречу пальцам, расслабляя напряженные мышцы.

За всем этим нелепым односторонним «разговором», где мои ответы заменялись тычками, я совершенно потерял счет времени и пространству. Мысли о Дне Благодарения отошли на второй план, уступив место анализу странностей самой хозяйки. Поэтому я не заметил, как мы миновали последние тяжелые двери зала и вышли на улицу.

Резкая смена температуры ударила по телу. После душного тепла внутренних помещений холодный утренний воздух Империи Полночи казался ледяным лезвием. Здесь пахло гарью, мокрым камнем и сладковатым запахом гниющих благовоний из храмовых курильниц. Низкое свинцовое небо давило на плечи многотонной плитой, а багровый свет Сорокопута окрашивал брусчатку площади в цвет свежей раны.

Лирата шла сквозь двор легкой, почти танцующей походкой. Для неё это было привычное пространство — центр её маленького мира внутри огромной клетки Империи.

Реакция окружающих уже была предсказуемо двоякой. Чернь — кухонная прислуга, младшие конюхи, рабы-убор-

щики — шарахалась от нас в стороны, прижимаясь к стенам или ныряя в переулки. Они видели белую кожу принцессы и черную птицу на её плече, что сулило лишь беду. Но стража, офицеры гвардии и инквизиторы высшего ранга склонялись в глубоких, почтительных поклонах. В их глазах не было страха; там был холодный расчет: если девчонка настолько безумна, чтобы носить на себе падалыщика как брошь, значит, трон под Малефисом стоит крепче, чем казалось.

Я очень удивился, когда понял, что она направляется не к главной площади с храмом, а в сторону тренировочной площадки за казармами. Там, на посыпанном желтым песком ристалище, шли бои. Вероятно, тренировочные — стройные квадраты пехоты сходились в учебных схватках, но обилие настоящей, густой крови на песке заставляло меня сомневаться в природе происходящего. Здесь калечили по-настоящему.

Я внимательно следил за обстановкой, поворачивая голову на все сто восемьдесят градусов, отслеживая реакцию воинов на вторжение альбиноски. Но те даже не повернули голов. Бойцы тьмы двигались механически, словно марионетки без нитей. Я слышал краем уха разговоры о том, что войны тьмы проходят ритуалы подавления боли — они чувствуют рассечение плоти, но нервный импульс просто гаснет, не вызывая реакции. Увидеть этому подтверждение вот так, на открытой площадке, в мирное то время, было дикостью для меня. Воин со вспоротым животом продолжал методично

колоть тренировочным копьём манекен, пока кровь заливала его сапоги. Мое хищное нутро инстинктивно считало это запахом слабости, но разум понимал — это абсолютная дисциплина.

Лирата же, кажется, даже не замечала всего этого кровавого балета. Она прошла мимо корчащегося на носилках солдата, которому лекарь прямо на месте отпиливал раздробленную ногу, даже не поморщившись. Мне приходилось напоминать себе, что она — принцесса Темной империи. Для неё чужая агония — это просто фоновый шум, вроде стука дождя по стеклу.

Тут девушка остановилась. Повернула голову ко мне и спросила — вот так открыто, при всех этих вооруженных людях:

— Сможешь подождать меня тут?

Я не был уверен, стоит ли птице кивать ей в ответ или нет. Это выглядело бы слишком... по-человечески. Поэтому я просто оттолкнулся когтями от её плеча и перелетел на ближайшую каменную ограду тренировочного кольца. Метка позволила этот маневр без единого спазма. Лира улыбнулась мне так светло, что на секунду показалось — посреди этого ада действительно спустился ангел. Отблески светила играли в её белых радужках, делая глаза похожими на два лунных камня.

После этого она развернулась и уверенно направилась к ближайшей стойке с оружием. Видя это, моё удивление толь-

ко росло. Что эта хрупкая фарфоровая кукла собралась делать? Играть в рыцаря?

Её выбор пал на двустороннюю алебарду с лезвиями-полумесяцами на обоих концах — тяжелое, хищное оружие имперской гвардии, требующее недюжинной силы кистей и идеального чувства баланса. Удовлетворенно крутанув его в руках так, что воздух засвистел, рассекаемый полумесяцами, Лирата перехватила древко поудобнее. Было видно, что она держит это железо в руках далеко не в первый раз. Движения были отточенными, экономными — ни одного лишнего взмаха.

За это время бои на песке закончились. Воины — те самые ветераны со шрамами, которых я видел истекающими кровью минуту назад — молча отступили к краю площадки. Они выстроились в неровный полукруг, тяжело дыша, но сохраняя строй. Лейтенант, судя по количеству нашивок на его кожаном камзоле, шагнул вперед и коротко поклонился, прижав кулак к груди:

— Миледи. Мы готовы.

Девушка удовлетворенно кивнула, словно проверяла прочность инвентаря перед уборкой урожая.

— Постарайтесь выжить, — бросила она будничным тоном, каким просят передать соль за столом.

В этот момент я чуть не взлетел огненным вихрем прямо с ограды. Мои инстинкты архимага взвыли об опасности: десятки клинков против одной тонкой фигуры. Лишь

то, что рабская метка молчала, абсолютно никак не реагируя на угрозу для хозяйки, остановило меня. Она не считала это опасностью.

И началось безумие.

На девушку одним за другим обрушились клинки. Это не был хаотичный навал толпы — гвардия Империи Полуночи работала парами и тройками, заходя с разных углов, используя тактику «волчьей стаи». По их оружию всё еще стекала чужая кровь из предыдущих спаррингов, делая сталь скользкой и тяжелой.

Лирата двигалась как вода, встретившая камень. Если бы у танца смерти был визуальный облик, он выглядел бы именно так. Древко алебарды порхало в её белых руках, превращаясь в стальной щит и копье одновременно. Я смотрел на это с все растущим, леденящим удивлением, пытаюсь понять, как мой тысячелетний опыт мог настолько ослепить меня. Как я мог не заметить в ней такую подготовку?

Она отражала атаки будто в вальсе.

Тяжелый фальшион гвардейца летит ей в висок. Вместо того чтобы заблокировать (древко просто вырвало бы из рук), она делает плавный шаг в сторону, пропуская инерцию удара мимо себя, и легким касанием клюва алебарды меняет траекторию вражеского меча так, что воин проваливается вперед, открывая бок соседу.

Вторая волна атакующих пытается зайти снизу. Острое навершие алебарды бьет вниз, выбивая коленную чашечку

солдату. Хруст кости тонет в лязге стали, но крик пресекается на полуслове — девушка тут же дергает древко на себя, уходя от секиры сверху.

В анализе начинался настоящий ужас этого зрелища. Там, где траектория позволяла пробить череп или выпустить кишки, она лишь отталкивала. Когда огромный детина занес над ней цвайхандер, вкладывая всю массу тела в удар, Лирата приняла лезвие на плоскость своего оружия, жестко заблокировала его и... вместо того чтобы вонзить нижний крюк алебарды ему под ребра, она просто крутанулась вокруг своей оси, используя силу его же замаха, и швырнула здоровяка спиной в кучу тренировочных манекенов.

Там, где могла убить — отводила. Там, где ранила — не добивала. Она играла с ними. Скупое, методичное, ломая им пальцы, отсушивая руки ударами древка по латным перчаткам, заставляя захлебываться песком, но никогда не позволяя стали коснуться жизненно важных органов. Кровь пачкала её платье, но девчонка даже не сбивала дыхание.

Я сидел на ледяном камне, чувствуя, как мое пламя внутри притихает в благоговейном страхе. Этот ребенок, который утром плакал из-за птицы и лепетал про платье, сейчас раскатывал по песку элитных головорезов, держа в руках вес больше собственного. И самое страшное было в её глазах — они оставались пустыми. В них не было азарта битвы, только холодная констатация фактов. «Вы слишком медленные» — читалось там.

Но всё закончилось внезапно.

Когда один из солдат — совсем молодой парень, которому она только что выбила плечо ударом дубка — упал к её ногам, я ожидал, что она, как и раньше, просто перешагнет через тело, продолжая танец. Но Лирата замерла на полушаге. И остальные, словно по невидимой команде или щелчку пальцев некроманта, замерли с ней. Звон стали оборвался так резко, что в ушах зазвенело от тишины. Песок медленно оседал вокруг лежащего тела.

Я не совсем понял, что произошло. Почему они остановились? Это какой-то особый сигнал?

Лирата опустилась перед упавшим на одно колено. Её белое платье тут же впитало багровую влагу с земли. Я видел, как она втянула носом воздух над мужчиной — глубоко, трепеща ноздрями, словно хищник над добычей. Затем опустила руку. Тонкий пальчик без малейшего отвращения — скорее с исследовательским любопытством ученого — просунулся в одну из резаных ран на бедре гвардейца, которую сама же и нанесла минуту назад. Она зацепила густой темный сгусток, поднесла ко рту, лизнула кончиком языка...

И я успел заметить, как её глаза на долю секунды стали абсолютно черными. Белизна исчезла полностью, зрачок расширился, поглотив радужку. Вакуум бездны смотрел на меня сквозь лицо принцессы.

Она резко встала, стряхнув с пальца остатки крови движением, каким сбрасывают капли воды. Посмотрела поверх

голов бойцов на лейтенанта — единственного, кто не участвовал в этой «бойне», а стоял у стойки с оружием. Коротко кивнула ему.

Выбранного ею солдата — того самого раненого парня — сразу подняли двое его товарищей. Подняли за руки и за ноги, грубо, но бережно, и куда-то потащили прочь с плаца. Он не сопротивлялся. Наоборот, его губы растянулись в блаженной, идиотской улыбке, пока кровь продолжала хлестать из пробитого бедра.

По рядам пронеслись радостные возгласы, хлопки по плечам, поздравления. Бойцы выглядели счастливыми. Они передавали друг другу фляги, смеялись. Я слышал обрывки фраз: «Благословение», «Жертва»... и совершенно ничего не понимал. Что это за ритуал такой, где жертва уходит своими ногами, радуясь дыре в ноге?

После этого девушка небрежно воткнула тяжелую алебарду наверху в песок прямо там, где стояла, даже не позаботившись о стойке. Дерево глухо стукнуло. Она вытерла испачканную ладонь о собственное платье, оставив широкий багровый мазок на ткани, после чего посмотрела на меня.

У меня буквально кровь застыла в жилах, обратившись в лед. Пламя внутри панически дернулось, пытаясь прожечь ребра и улететь прочь.

На её платье были видны брызги чужой жизни. На руке, которой она махнула мне, всё еще остался размазанный след крови того солдата. Но глаза... Те самые глаза, что были столь

холодны и мертвы минуту назад, те, что заволокло непроглядной тьмой от вкуса чужой боли — теперь вновь тепло и светло улыбались мне. Искренне, по-детски. Она снова выглядела ангелом, спустившимся с небес на землю, чтобы осветить этот ад.

Но я больше не мог видеть в ней свет. Иллюзия разбилась вдребезги, осыпавшись стеклянным крошевом.

Теперь я знал. Понял окончательно, почему её не убили при рождении альбиносом. Почему отец смотрит на неё со смесью страха и гордости. Почему брат позволяет ей всё.

Не проклятая принцесса. Не сумасшедшая девчонка.

Жрица Крови. Носительница редчайшего дара Империи Полуночи. Та, чья бледность — не болезнь, а знак избранности Тенью. Только её боги пьют не слезы праведников, а жизнь своих верных псов.

Но у меня не было выбора.

Проклятая метка на позвоночнике начала едва ощутимо пульсировать холодом, напоминая о привязке к сосуду. Я медленно, с опаской оттолкнулся от ограды. Перелетел ей на плечо, стараясь приземлиться как можно тише. Осторожно подобрал лапы, балансируя так, чтобы ни один коготь не коснулся ни капли чужой крови на её ткани или белых волосах. От запаха железа и соли в горле встал комок первобытного отвращения.

Девушка, кажется, уловила эту перемену — резкое похолодание воздуха вокруг нас, напряжение каждой мышцы

птичьего тела. Её плечи чуть поникли, а улыбка дрогнула и стала неуверенной. Она выглядела почти расстроенной тем, что напугала своего «питомца».

Плывать. Какое мне дело вообще до того, что чувствует безумная вампирша? Пусть хоть разрыдается сейчас посреди плаца — я лишь плотнее прижму крылья, чтобы не испачкаться в её слезах, которые наверняка состоят из чужой боли.

Её магия — не дар. Это проклятие самой природы. Такие, как она, мертвы внутри еще с рождения, их души выжигает собственная сила при первом же вдохе. Её стихия — это не Тьма и не Свет давно забытых предков. Это чистый Хаос, густая эссенция боли, облаченная в цвет венозной крови.

Я видел, как убивали Жрицу Крови во время войны за Рассвет. Видел, как они сражаются, когда сбрасывают маску. По щелчку её пальцев целый легион бронированных рыцарей замирает, словно марионетки с обрезанными нитями. А затем... лопаются изнутри. Их доспехи рвутся, как тонкая бумага, потому что кровь в жилах вскипает и разрывает плоть под давлением. Они не управляют кровью — они становятся твоей жизнью.

И вот теперь я сижу на плече одной из таких демониц. Моему клюву самое место сейчас пробивать черепа жрецов Темного Культа, а не поддерживать безопасность этого чудовища. Мне совершенно не должно быть дела до этого проклятого взгляда снизу вверх. Этого растерянно-виноватого

выражения лица. До того как большие белые глаза смотрят на меня с таким искренним непониманием: «Я сделала что-то не так?».

Она не может ничего чувствовать. В ней нет эмпатии. Она лишь ходячий труп, обтянутый фарфоровой кожей. Высшая нежить. Так ведь?

Но память — предательская, гнилая человеческая память архимага — подбрасывала другие образы, сопротивляясь логике самосохранения.

Вчерашний вечер. Холодный камень кладовой. Сегоднешнее утро. Её неуклюжую попытку шутить. Риск обжечь пальцы просто ради того, чтобы коснуться.

Зачем она играла? Зачем этот маскарад, эти разговоры про дружбу, эта забота? Разве монстру нужна компания? Разве палачу нужен друг, который будет держать полотенце для вытирания меча?

Если бы она хотела моей силы — она бы приказала. Если бы хотела убить — уже бы сделала это. Но теперь я её видел без маски. Без прикрас. С алебардой в руках и вкусом смерти на губах.

Мы покинули плац в тягостном, гнетущем молчании.

Внутри меня шла лихорадочная, настороженная работа мысли. Мой разум — привыкший выстраивать стратегии на десятилетия вперед и просчитывать вероятности до пятого знака после запятой — сейчас буксовал, как машина в зыбучих песках. Я пытался заново пересобрать образ Лираты ван

Мор, но детали не сходились.

Сцена первая: Кладовая. Жалкая, забитая девчонка в лохмотьях. Искренний страх передо мной. Вывод: жертва обстоятельств, сломленная игрушка отца.

Сцена вторая: Кабинет короля. Холодная уверенность. Умение торговаться с тираном языком ультиматумов. Вывод: опасный политический игрок, прячущийся за маской дурочки.

Сцена третья: Плац. Жрица Крови. Абсолютная власть над жизнью и смертью. Садистская нежность к чужой боли. Вывод: чудовище высшего порядка.

Какое из этих лиц настоящее? Или все они — ложь? Проклятые боги, она играет со мной так же легко, как меняет платья. Но зачем? Зачем тратить столько усилий на раба? Если бы хотела пытать меня — метка позволила бы ей делать это годами без всяких театральных постановок.

Я украдкой скосил желтый глаз на её профиль. Она идет, глядя строго перед собой, но я чувствую дрожь её плеча под своими лапами. Не физическую — эмоциональную. Она ждет оценки. Словно ребенок, принёсший отцу дохлую крысу в подарок и надеющийся на похвалу. От осознания этого контраста между монстром внутри и хрупкой оболочкой снаружи мне захотелось вонзить клюв прямо в её висок.

— Эш?

Её голос прозвучал неуверенно, почти робко. Впервые за сегодня в нём не было ни приказных ноток, ни звонкого ве-

селья. Это был голос... человека. Того самого ребенка из кладовой.

Она чуть повернула голову, стараясь заглянуть мне в глаза, при этом рискуя свернуть себе шею. Белые пряди мазнули по моим перьям.

— Что-то не так?

Вопрос повис в воздухе. Простой, бытовой вопрос. «Не пережарила ли я мясо?» «Удобно ли тебе сидеть?». Только задан он существом, которое только что выпило чужую кровь ради удовольствия своих солдат и оставило парня калеккой ради какого-то темного ритуала.

Мой инстинкт кричал одно: Беги. Лги. Прячь свою истинную форму. Перед тобой высший хищник, который проверяет почву.

Но проклятие требовало честности. А человеческий остаток моей души понимал: если я сейчас солгу или промолчу, этот едва тлеющий уголёк доверия, который мы каким-то чудом разожгли вчера ночью, погаснет навсегда. И тогда останется только раб и хозяйка. Вечная агония броши покажется раем по сравнению с осознанием того, чем я могу стать рядом с ней.

Я медленно моргнул. Раз. Второй. Перевел взгляд с её окровавленной руки обратно на лицо.

Я ничего не мог ей сейчас ответить. Птицы не умеют разговаривать.

Я просто смотрел на неё своим птичьим, немигающим

взглядом. Желтые глаза с вертикальными зрачками пытались пробиться сквозь белую маску её лица, пытаясь разобраться в том, как мне дальше себя вести. Рвать глотки по щелчку пальцев? Играть в домашнего питомца? Или ждать удара кинжалом под ребра?

Мы дошли до её покоев — тех самых комнат, где пахло полыньёю и старой бумагой. Как только тяжелая дверь закрылась за нами, отсекая звуки дворца, я резво оттолкнулся от её плеча. Перелетел на высокую спинку кресла у камина. Твердая древесина под когтями казалась куда безопаснее, чем тонкая ткань её платья.

Услышав горький, разочарованный вздох Лираты, я скошил глаз вбок. Мирра тут же засуетилась, всплеснув руками: — Ох, ваше высочество! Ну что же вы так неаккуратно! Это ведь шелк из южных провинций, он пятна почти не берет, но теперь придется замачивать в уксусе... И перья! Госпожа, он же весь белый испачкает!

Лира вовсе не обращала внимания на причитания служанки. Она стояла посреди комнаты, всё еще держа одну руку чуть на отлете, чтобы не касаться окровавленной ладонью бедра. Её взгляд был прикован ко мне. А мой — к ней.

Это было похоже на дуэль клинков, только вместо стали мы использовали волю. Я ждал. Ждал, когда она сорвется, закричит, потребует объяснений или попытается применить свою жуткую магию, чтобы заглянуть мне в разум. Но она просто дышала. Ровно, глубоко, хотя пульсирующая жилка

на её бледной шее выдавала крайнюю степень внутреннего напряжения.

Где-то спустя пару минут такого немого, тяжелого контакта воздух в комнате стал густым от невысказанных слов. Лирата медленно моргнула, словно просыпаясь. Голос её прозвучал тихо, но властно, заставив даже меня вздрогнуть от неожиданного металла в тоне:

— Оставь меня, Мирра.

Служанка осеклась на полуслове, недовольно поджав губы при виде кровавого пятна, которое уже начало впитываться в дорогой подол. Однако спорить с хозяйкой не привыкла. Еще один тяжелый вздох, полный вселенской скорби о загубленном гардеробе, и шуршание юбок удалилось в сторону двери. Звякнул замок.

И вот мы снова наедине. Только треск дров в камине нарушал тишину.

Я не торопился принимать облик элементаря. Остаться птицей сейчас было безопаснее и, что уж скрывать, удобнее для наблюдения. Я сидел на спинке кресла, нахохлившись, и всем своим видом демонстрировал оскорбленное достоинство.

Лирата просто стояла посреди комнаты и смотрела на меня. Молча. Не приказывая сменить форму, не требуя ответов. Просто смотрела своими огромными белыми глазами, в которых плескалась тихая, глубокая грусть.

И это молчание злило меня до белого каления. Сильнее,

чем любые крики Малефиса. Она смеет обижаться? После того как я только что увидел её истинное лицо — чудовище, упивающееся чужой агонией? Какое право имеет эта лицемерная девчонка смотреть на меня взглядом побитого щенка? Внутри всё кипело от негодования. Хотелось рывкнуть ей прямо в лицо, напомнить, кто из нас здесь проклятый архимаг, а кто — кровавая жрица, но клюв мог выдать лишь раздраженный клекот.

Наконец она опустила взгляд, уставившись на багровое пятно у подола своего платья. Её плечи поникли окончательно. Голос прозвучал глухо, лишенный всяких эмоций:

— Значит, я ошиблась.

Она просто развернулась и ушла в умывальню. Секундой позже оттуда слышался шум льющейся воды — резкий, холодный звук, бьющий по нервам.

Я остался сидеть в полнейшем недоумении. Ошиблась? В чем именно? Я пытался строить варианты, перебирая их в уме один за другим, но все они казались абсурдными.

Ошиблась во мне? Думала, что птица не способна осудить её за ритуалы?

Ошиблась в своих силах? Решила, что сможет напугать меня своей жестокостью?

Или... она думала, что я пойму? Что приму эту сторону её натуры так же легко, как приняла мою лавовую кожу?

Лираты не было долго. Очень долго. Может, полчаса, может, час. Время снова начало растягиваться в пытку. Я успел

обдумать всё, что только можно: от планов побега через дымоход до философских трактатов о природе безумия альбиносов. Плеск воды прекратился давно, но она не выходила. Готовится? Медитирует перед бойней?

Но вот дверь скрипнула. Она вышла, и воздух в комнате мгновенно похолодел градусов на десять.

Волосы были заплетены в странного вида, сложную косу, уложенную вокруг головы венцом — явно ритуальную конструкцию, переплетенную тонкими серебряными нитями. На лице красовался знакомый до боли макияж Жрицы Крови: густые черные линии сурьмы, тянущиеся от висков к скулам, и алый пигмент, нанесенный треугольником на губы и переносицу. Но теперь это был не детский грим для игры в «страшную принцессу». Это была маска Верховного Жреца. Холодная, симметричная, пугающая своей правильностью.

Она не посмотрела на меня. Прошла мимо кресла к стойке с доспехами, стоящей в углу. Как я их не заметил? Начала методично доставать части облегченного латного панциря — нагрудник, наручи, сегментированную юбку. Сталь лязгнула о дерево.

Я понимал, что самой надеть такую сбрую невероятно трудно — нужно заводить руки назад, затягивать ремни под невозможными углами. Служанку она не звала. Просто одевалась сама. Если пальцы не дотягивались до застежки на лопатках, она пробовала снова. Скрежет суставов, тяжелое дыхание, напряжение каждой мышцы белой спины. Видно,

что физически она могла это сделать, но годами привыкла к тому, что Мирра всегда помогала расправить складки или затянуть пряжку. Сейчас она делала это назло себе, наказывая себя за ошибку, которую допустила со мной.

Я смотрел на всё это, сидя неподвижно, и думал. К черту. Логика выживания трещала по швам. Это всё равно ребенок. Пусть увешанный сталью и пахнувший кровью, но ребенок. Я видел это наивное, глупое упрямство в том, как она дергала неподатливый ремень. Поджатые губы, дрожащий подбородок. Взгляд, который она бросила исподлобья на свое отражение в начищенном металле — расстроенный почти до слез.

И то самое чувство тепла, что я ощущал ещё утром, когда сушил ей волосы — оно вдруг отозвалось острой, физической болью в груди. Слово кто-то вонзил раскаленный кинжал между ребер. Я не понимал природу этой боли. Почему я чувствую, что предал ее? Я ведь ничего не обещал. Лишь слова, ни единой клятвы верности. Я просто стоял рядом. Разве этого достаточно, чтобы чувствовать вину за то, что оказался недостаточно слепым?

Хватит. Этот самоанализ сводил с ума больше, чем пятьсот лет в броши.

Я обернулся элементом бесшумно. Вспышка золота сменилась привычным жаром. Магма стекает по коже, но я сознательно чуть гашу внутренний огонь. Температура падает, лава остывает быстрее положенного, образуя неприят-

ную, темную корку, которая тут же начинает сковывать движения, делая суставы тугими. Тяжелая цена за самоконтроль.

Я подошел к ней сзади. От меня веяло сухим жаром кузницы. Мои когтистые, тяжелые ладони легли поверх её тонких пальцев, останавливая попытки справиться с последней застежкой на плече. Я мягко, но настойчиво отвел её руку в сторону и сам защелкнул фиксатор одним движением.

Она замерла. Спина стала каменной. А затем медленно, очень медленно обернулась.

Наши взгляды вновь встретились. И я потерялся. Вся моя тысячелетняя броня цинизма, вся ненависть к роду ван Мор рассыпалась в пепел. Я утонул в той робкой, отчаянной надежде, что светилась в глубине её абсолютно белых глаз. Надежде, которой там быть не должно.

Глава 5

Я методично застегивал ненавистную мне броню. Пальцы, привыкшие держать рукоять меча или сплестать вязь заклиний, сейчас работали с холодной механикой портного. Я знал эти стыки керамитовых пластин, знал узоры имперскойковки на наплечниках. Знал уязвимые зоны — подмышечные впадины, сгиб локтя, место соединения горжета и нагрудника.

И злился. До зубного скрежета, до желания расплавить этот доспех прямо на её теле, я злился на себя. Так работает проклятая метка? Заставляет служить хозяйке даже тогда, когда разум кричит об опасности? Нет. Это было бы слишком просто. Она не мешала мне ненавидеть Малефиса ранее, каждая клетка моего тела пылала жадой его смерти в кабинете. Метка ограничивает действия, но она не влияет на рассудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.